

СМЕНА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Эрик Бери

Смена

<https://litres.ru/74687134>

SelfPub; 2026

Аннотация

Пятнадцать человек. Заброшенный институт за промзоной.

Аня приезжает последним автобусом и остаётся в здании, где свет горит по часам, а правила читает голос из старого телевизора. Участников пятнадцать. Смена закроется, когда в списке останется пятеро. Каждая смерть — повод для классного суда. Виновного отчисляют, и он уходит и не возвращается. Если виновного нет, отчисляют каждого второго по списку.

Им выдали койки, график дежурств и двенадцать правил, написанных так, чтобы убивать. Кто-то в здании понял это раньше остальных. Аня запоминает чужие слова дословно — и молчит, потому что однажды уже промолчала, и это стоило человеку всего. Чтобы дожить до весны, ей придётся заговорить.

Пять дел. Пять судов. Один счёт, который ведёт не она.

Психологический детектив в замкнутом пространстве — о людях, у которых вся жизнь устроена бумагой, и о процедуре, которая убивает вежливо.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	32
Глава 3	66
Глава 4	91
Глава 5	116
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Эрик Бери

Смена

Глава 1

Автобус до Промзоны уходил в шесть десять и был последним, и Аня успела к нему бегом. Рюкзак бил её по спине на каждом шаге, ляпка съехала на локоть, и она придерживала его рукой, уже не сбавляя хода. Водитель открыл ей дверь с таким лицом, будто делал одолжение. Она сказала «спасибо» и ответа не услышала.

В салоне ехали трое. Женщина с двумя сумками моркови держала их на коленях и всю дорогу перекладывала, чтобы не давить верхние. Парень в наушниках проехал две остановки и вышел, не оглянувшись. Мужчина в спецовке спал у окна, привалившись виском к стеклу, и не проснулся ни на повороте, ни у светофора. Аня села за водителем и прижала рюкзак коленями, чтобы не мешать проходу.

— Куда? — спросила кондукторша, не поднимая головы от сумки.

— В «Плазу».

Кондукторша оторвала билет, посмотрела на неё, потом в окно и опять на неё. Билет она держала в руке и не сразу отдала.

— На кольцо, — сказала она наконец. — Дальше по дороге. — Она помолчала и добавила: — Там никто не живёт.

Аня кивнула и взяла билет.

Автобус шёл мимо гаражей. Каждый второй был с провалившейся крышей, у одних ворота настежь, у других навесной замок и трава в колеях, выросшая выше порога. Дальше пошли ангары из серого железа, потом пустырь с бурьяном в человеческий рост, потом длинный серый забор, за которым ничего не угадывалось. Фонарь горел один, далеко впереди, и к нему сходилась дорога. В окне не попалось ни одного человека, и Аня заметила это к концу дороги, когда смотреть стало уже некуда.

На кольцо Аня вышла, и автобус уехал, оставив её одну. Задняя дверь стукнула, мотор удалился, стало слышно, как в проводах над дорогой гудят тополя. Она постояла, пока не погасли задние огни, и пошла по обочине туда, где горел фонарь. Один раз наступила в лужу, и мокрый кроссовок хлопнул.

Двор оказался маленьким и заросшим. Клумба посреди не выросла в бурьян, флагшток стоял без флага, и трос на нём пощёлкивал на ветру. У доски объявлений под стеклом выцвели бумаги; Аня наклонилась ближе, и за стеклом угадывались слова «приказ», «зачислен», «согласно», всё бледное, как старая квитанция. Ворота стояли распахнутыми, одна створка провисла ниже другой. В глубине двора поднимался корпус из светлого бетона, пять этажей, с двумя кры-

льями пониже и переходами между ними; с одной стороны к нему подступали тополя, с другой была стена котельной.

Над входом стояли стеклянные буквы. Первая осыпалась, и осталось «ЛАЗА».

Аня остановилась и перечитала. Потом перечитала ещё раз, с начала. Ничего не изменилось. Она переложила рюкзак на другое плечо, поправила ляжку и пошла к крыльцу.

Ступени были широкие, камень на них вытерся до гладкости посередине, где ходят больше. На двери висел замок, снаружи, на самой ручке, и это было первое, что не сходилось: если в здании живут, замок должен быть на другой стороне. Аня потянулась и тронула дужку. Замок был холодный, запёртый, и на пальцах осталась ржавчина.

Она подняла руку, чтобы постучать, и не успела. За дверью щёлкнули, замок поехал вниз, и дверь отворилась внутрь сама, медленно, до половины. Аня отступила на полшага.

За дверью никого не было.

— Заходите, — сказал голос. Он шёл из глубины здания, ровный, женский, негромкий, и в пустом атриуме было слышно, как он отходит от стен. — Анечка, да? Не стойте на пороге, на улице к вечеру сыро.

Аня вошла. Замок за её спиной щёлкнул ещё раз, и дверь запёрлась сама.

Свет горел в полную силу, все длинные лампы под потолком, и после улицы от него резало глаза. Три этажа балконов, на полу ни соринки, даже у стоек вахты. Слева был гар-

дероб с пустыми номерками, на стойке лежал журнал, раскрытый на середине. Лифт стоял с открытыми створками, внутри темно, на полу коврик. В углу висел большой лист на двух кнопках, и с него читались строки, набранные с висющим отступом, как в приказе. Пахло мытым полом и немного машинным маслом.

На вахте стоял деревянный ящик с ячейками, как в гардеробе, и на каждой ячейке был номер.

— Телефон в ячейку, — сказал голос. — Номерок возьмите. На обучении связь не положена.

Аня достала телефон. Экран был тёмный, полосы не было с самого поворота с трассы.

— А если мне надо позвонить?

— На обучении не надо.

Она положила телефон в ячейку с номером одиннадцать. Ключа у ячейки не было, только прорезь; номерок был пластиковый, с тем же номером, и она сунула его в карман куртки.

Голос шёл из актового зала, за двойными дверями.

Аня пошла туда.

В зале горела одна лампа над сценой, и в её свете на тумбе у трибуны стоял телевизор: старый, в тёмном корпусе, с выпуклым экраном и трещиной в углу. На экране сидело что-то тёмное, голова и плечи, без лица, и по краю бежала полоса.

— Здравствуйте, — сказала Аня. — Я...

Голос сел, как всегда, и она замолчала.

— Я знаю, — сказал телевизор. — Вы последняя. Автобус был в шесть десять?

— Последний.

— Значит, никто больше не опоздает. — Пауза была ровно такой, чтобы Аня успела подумать, что разговор кончился. — Раздевайтесь, у нас прохладно, отопление включают позже. Ваша комната в корпусе Б, через переход и направо. Ужин в восемь. Остальное скажу вечером.

— А вы... — Аня посмотрела на экран, потом на сцену, потом опять на экран. — Вы где?

— Здесь. — Полоса на экране пошла быстрее и опять замедлилась. — Первый этаж открыт. Наверх не поднимайтесь, лестницы закрыты.

— А как вас зовут?

— Ректор. Так и зовите.

Аня ещё постояла. В зале было холодно, а от экрана шло слабое тепло, как от старой лампы. Потом она вышла и в коридоре обернулась: двери закрыты, свет горит, в атриуме никого.

В коридоре пахло краской и старым линолеумом. Двери стояли по обе стороны, часть с номерами, часть без, и за стеклянными вставками было темно, потому что в аудиториях свет никто не включал. Аня дошла до конца и нашла переход: короткий тёплый коридор со стеклянной стеной, за стеклом бетонный двор и тополя. В переходе лежал свёрнутый ковёр, скатанный и прислонённый к стене, и стояли две

коробки, заклеенные скотчем.

В корпусе Б на стене висел репродуктор, и, когда Аня поравнялась с ним, он щёлкнул.

— Корпус Б, общежитие, — сказал тот же голос. — Живёте здесь, едите в основном, в столовой на первом этаже. Комнаты на четырём, душевая в конце крыла, всё на этом этаже. Вода есть, горячей пока нет, греем в баке.

— А если что-то не работает? — спросила Аня в репродуктор.

Пауза была длинная.

— Скажите мне.

Дверь с номером шесть была приоткрыта. Аня вошла. Две койки были заняты, свободная осталась одна, у шкафа.

В комнате было четыре койки, шкаф, стол под окном и табурет, на котором лежала чужая кофта. У окна сидела девушка с прямыми светлыми волосами и красила губы, глядя не в окно, а в маленькое зеркальце, подпёртое зажигалкой; на койке рядом с ней стоял чемодан, на подушке лежало кольцо из фольги. Вторая, ширококостная, с толстой русой косой, перестилала свою койку, подтыкая угол простыни, и делала это в два движения, быстро.

— О, ещё одна. — Та, что у окна, докрасила верхнюю губу и только потом обернулась. — Привет. Кристина.

— Аня.

— Откуда?

— Из-под Ключей. Райцентр.

— Не знаю такого, — Кристина отвернулась к зеркальцу.
— Я первая приехала, между прочим. Тут вообще никого не было. Только голос из зала — и эти в котельной гремели. Я думала, ошиблась адресом.

— Ты не ошиблась, — сказала вторая, выпрямляясь. Она разгладила простыню ладонью. — Ксения. Можно Ксю.

Она протянула руку, и рукопожатие у неё было короткое и сильное, как у человека, который здоровается на ходу.

— Вон та койка свободная, — Ксю показала на место у шкафа. — Бери. К окну не садись, от окна дует, оно не закрывается до конца.

Аня посмотрела туда, куда показали, и кивнула.

Кристина закрыла зеркальце и обернулась вместе с табуретом.

— У тебя телефон забрали?

— Забрали. — Аня показала номерок. — Одиннадцать.

— У меня седьмой. — Кристина достала из кармана такой же пластиковый номерок и повертела его. — Сказали, на обучении связь не положена. Как в лагере.

— А когда вернут?

— Не сказали. — Она положила номерок на подушку рядом с кольцом из фольги. — Я матери обещала звонить каждый день. Два уже пропустила, и теперь даже не знаю, что ей сказать.

Она сказала это так, будто уже искала выход и почти нашла.

Дверь в комнату так и осталась приоткрытой, и в коридоре было тихо. Ксю подождала немного и сказала негромко:

— Голос этот.

— Обыкновенный, — сказала Кристина и повела плечом.
— Как на вокзале.

— Вот это и странно. На вокзале объявляют, а тут спрашивают.

Аня разложила вещи. В рюкзаке лежали свитер, две футболки, носки, стиральный порошок в пакете, зубная щётка и папка. Свитер она бросила на койку, футболки сложила стопкой на столе, порошок поставила под кровать, к ножке. Папку достала последней и положила в тумбочку, ближе к задней стенке: бланк с угловым штампом, два экземпляра договора, один пустой, второй подписанный ещё в апреле, коротким косым росчерком, который она узнала, потому что сама так расписывалась в дневнике за мать. В тумбочке уже лежал кем-то забытый вкладыш от жвачки и стояла пустая бутылка. Дверцу Аня прикрыла тихо, чтобы не хлопнула.

Ужин был в восемь. Столовая помещалась на первом этаже главного корпуса, там, где раньше было кафе: витрина с полками и раздатка, за которой стояла плита, кастрюли и половник на крючке. Длинный стол собрали из четырёх малых, стулья принесли откуда попало, часть из аудиторий, часть из холла. Народу было человек десять, и все говорили сразу. Аня взяла тарелку и села на краю, поближе к выходу.

— Кто опоздал, тот ложку не выбирает, — сказала Ксю от

раздатки.

Она стояла с половником в руке, и тарелки перед ней лежали ровно, одна к одной.

В кастрюле была гречка с тушёной, в баке чай, на подносе лежал нарезанный хлеб, свежий, с мягкой коркой. Нарезала его девушка в белом жилете поверх свитшота, светлые волосы уложены, как перед выступлением, и пока она резала, она успевала поглядывать на стол: кто где сидит, кто с кем.

Хлеб был тёплый. Она откусила и посмотрела на поднос ещё раз: хлеб принесли, а привозить было некому, автобус ушёл последний, и у магазина на выезде, мимо которого ехали, было выбито стекло. Она прожевала, запомнила поднос и вернулась к гречке.

В одиннадцать громкая связь щёлкнула и сказала ровным женским голосом: «Отбой». Свет погас сразу во всём крыле, только у лестницы остался красный глазок лампы. Аня легла на новую койку и накрылась до подбородка; простыня пахла мылом и пылью. Кристина ворочалась у окна, Ксю дышала ровно и быстро, где-то далеко, в другом конце здания, работал генератор, а потом и он смолк.

Через час по коридору прошли шаги. Спокойные, ровные, они шли от лестницы к концу крыла, не спеша и не скрываясь, будто человек ходил здесь каждый день. У двери они замедлились, и Аня успела подумать, что сейчас повернётся ручка. Ручка не повернулась. Шаги двинулись дальше, к душевым, стихли там, и через минуту вернулись обратно к

лестнице. Аня лежала с открытыми глазами и считала их, пока в коридоре не стало тихо.

Утром свет включили в семь. Лампы под потолком щёлкнули все сразу, потом загудел генератор, и в кране в конце крыла зашумела вода. Аня встала первой в комнате, умылась холодной водой, надела свитер и вышла в коридор.

Уже было слышно, что здание живёт. В другом крыле кто-то ходил и стучал по трубе, у лестницы гудел мужской голос с лёгкой хрипотцой, в столовой гремели тарелки. Аня дошла до перехода и остановилась: в стекле был виден двор, тополя, бетонная стена котельной и дымок над ней, тонкий и ровный.

В столовой на подносе опять лежал хлеб. Ксю резала его тем же ножом, тем же движением, и, увидев Аню, кивнула на кастрюлю.

— Каша. Манка. Ложки в ящике.

За столом сидели почти все, и никто не смотрел на дверь. Аня взяла тарелку, села на край, поближе к выходу, и стала есть молча, разглядывая стол по частям: берцы под стулом, форменная куртка с потёртым логотипом завода, белый жилет, чёрная водолазка с застёгнутым воротом.

— Соловьёва, — сказал парень в оранжевой толстовке, усаживаясь напротив верхом на стул и ставя локоть на стол. — Я список на вахте читал. Аня, да?

— Аня.

— Максим. Гушин. — Он подал руку через стол, коротко пожал и тут же забрал, чтобы показать ложкой на кастрюлю.

— Ешь давай, а то Мороз добавку не даст.

— Не дам, — сказала Ксю от раздатки.

Гущин засмеялся и постучал пальцами по столу. Сидел он боком, чтобы видеть всю столовую, и с Аней разговаривал тоже боком, поглядывая на дверь.

— Ты как вообще доехала?

— Нормально.

— Нормально, — повторил он. — Ага. Я тоже нормально доехал, только автобус два часа стоял в поле. — Он допил чай и поднялся. — Ладно, я пошёл, у меня обход.

Он ушёл, оставив на столе недопитую чашку.

Следом подошла девушка в белом жилете, с папкой под мышкой; на папке был приклеен лист с таблицей, расчерченной от руки.

— Соловьёва? — Она взяла ручку на шнурке. — Арина. Староста. Тебе дежурство в среду, столовая, после завтрака. Вот тут подпиши, что график прочитала.

— Я его не видела.

— Повешу вечером в зале, до сбора. — Арина уже смотрела в свою таблицу. — Если хочешь поменяться, скажи до вечера. Потом я переписывать не буду.

— Хорошо.

— Хорошо, — Арина отчеркнула в таблице строку. — Ты последняя. Все на месте.

Она закрыла папку.

За соседним столом, отдельно, сидел парень в чёрной во-

долазке и очках. Перед ним лежал лист бумаги, где даты были выписаны столбиком и обведены в рамку, и он смотрел в него, не поднимая головы.

— У тебя письмо когда пришло? — спросил он, не поднимая головы.

— В июне.

— Число.

— Двенадцатое.

— Двенадцатое. — Он поставил галочку и повёл ручкой ниже. — У меня одиннадцатое. У Кузнецовой девятнадцатое, у Морозовой двадцать первое. — Рука остановилась. — Бланк один. Подписи разные.

— И что?

— Ничего. Пока. — Он закрыл папку, но с колен не убрал. — Рассылка — это когда всё одинаковое. А тут не одинаковое.

— Осипов, ты опять за своё, — сказали от раздатки. — Ешь давай.

— У тебя на воротнике кровь, — сказала Аня.

Он посмотрел вниз, потом на неё, и в лице у него ничего не изменилось.

— Это ручка. — Он потёр воротник пальцем и потёр ещё раз. — Она течёт.

С другого конца стола поднялся парень с жестяной коробкой от чая. Перед Аней он поставил её на стол и открыл: бинт, ножницы, два пузырька.

— На что аллергия?

— Ни на что.

— Значит, не знаешь. — Он придвинул ей пузырёк. — Это от горла. И не пей из общей кружки, тут половина с ангиной.

— Ситников, бинт остался? — спросили из-за стола.

— Остался. После обеда заходи.

Он пошёл дальше, и Аня так и не узнала, как его зовут, только фамилию.

За щитком в углу никого не было. Дверца щитка была заперта на маленький замок, а к ней на скотче приклеена бумажка от руки: «Свет: 7.00–9.00, 18.00–23.00».

— Свет по часам, — сказал кто-то из-за стола. — Утром два часа, вечером до одиннадцати. Больше не будет, не просите.

— А кто его включает? — спросила Аня.

За столом переглянулись, и никто не ответил.

— А если попросим? — спросили из-за дальнего стола.

— Тогда погаснет, — сказал тот же голос, и все засмеялись, потому что это было похоже на правду.

После завтрака все разошлись. Аня пошла за девушкой в берцах, потому что та шла не как все: смотрела вверх, на потолок, на переходы, на стыки лестниц. У выхода та обернулась.

— Зоя. Меня зовут Зоя. Ты идёшь или стоишь?

— Иду.

— Тогда не отставай, тут двери тяжёлые.

Во дворе Зоя остановилась, приложила ладонь к стене котельной и подержала.

— Тёплая.

— Она же не работает.

— Работает, — Зоя вытерла ладонь о штаны. — Внутри что-то греется. — Она посмотрела вдоль стены, на низкую пристройку в конце. — Там люк. Пойдём.

— Куда?

— Посмотреть.

Она уже шла. Люк оказался заперт, навесной замок, ржавый; Зоя подёргала дужку, отпустила и выпрямилась.

— Ничего. В другой раз.

Аня осталась во дворе. Фонарь на столбе стоял потухший, на бетоне под ним темнело пятно от ржавой воды. За забором, там, где шла дорога на кольцо, не было ни мусора, ни одной бумажки. Только у дальнего угла, за котельной, на земле лежали две доски, и трава под ними была примята, будто по ней ездили.

Аня подняла голову. На третьем этаже главного корпуса в одном окне горел свет, в остальных было темно. У стекла кто-то стоял и смотрел вниз; разобрать можно было только силуэт.

Она подняла руку. Через секунду свет погас, и стало как у всех.

Громкая связь щёлкнула, и тот же ровный женский голос

сказал на весь двор:

— Общий сбор в актовом зале сегодня в девятнадцать ноль-ноль. Присутствие всех обязательно. Форма одежды свободная.

Аня посмотрела на часы над вахтой. Восемь минут двенадцатого. Телефон лежал в ячейке, и она уже дважды думала попросить его обратно.

Аня вошла в главный корпус и остановилась в атриуме. Свет горел ровно, без теней, и в нём было видно, что на балконах никого.

Лестница на второй этаж была перекрыта. В проёме стояла сварная решётка до самого потолка, покрашенная той же серой краской, что и перила, и на ней висел замок; к прутьям на скотче была приклеена фанерка, а на фанерке чёрным маркером написано «2». Дужка замка блестела от смазки.

Аня взялась за прутья и потрясла. Решётка не шевельнулась. За ней горела лампа, и ступени были чистые, будто по ним ходили каждый день.

Она постучала по прутьям костяшкой. Звук вышел глухой, как по ведру. Наверху никто не шевельнулся, и дверь не открылась.

Она постояла ещё, глядя сквозь прутья вверх, и пошла в столовую. За раздаткой уже мыли посуду. Девушка в длинной юбке и платке, повязанном назад, стояла по локоть в пене.

— Давай я, — сказала Аня.

— Не надо. — Девушка обернулась. — Ты гостья. Вера.

— Аня.

— Знаю. Ты последняя приехала, тебя все обсуждали. — Она стряхнула воду с тарелки. — Говорили, что тихая. Ничего, тут все громкие.

— Ты в церковь ходишь? — спросила она, помолчав.

— Нет.

— Я тоже. Тут некуда.

В дверь боком вошла девушка в спортивной олимпийке, с полотенцем на плече, и, не глядя, взяла с сушилки тарелку.

— Наташа, — сказала Вера. — Кто так вытирает.

— Как умею. — Наташа поставила тарелку в шкаф и посмотрела на Аню. — Новенькая? Ты бегаешь?

— Немного.

— Немного это сколько?

— По физкультуре.

Наташа засмеялась, коротко и без злобы, и хлопнула полотенцем по стойке.

— Ладно. Будешь бегать, догоняй. Только не в переходе, там дует.

В переходе, где, по словам Наташи, дуло, у стеклянной стены стоял парень в дешёвом свитере, руки в карманах, и смотрел во двор. Аня остановилась рядом: стекло было тёплым от солнца.

Он молчал долго, так долго, что она уже хотела уйти.

— Дмитрий, — сказал он наконец. — Свиридов.

— Аня.

— Аня, — повторил он и кивнул. — Там дальше дверь не открывается. Я пробовал. Не то чтобы сильно, но пробовал.

— Зачем?

— Посмотреть, что за ней. — Он вытащил руку из кармана, показал пустую ладонь и убрал обратно. — Дверь холодная. — Он помолчал. — Значит, окно открыто. Значит, кто-то его открыл.

Аня отошла к стеклу и посмотрела во двор. За забором, где шла дорога на кольцо, не было ни мусора, ни бумажки, и на столбе не было провода.

— Обещали, что звонить можно, — сказала Женя.

Она стояла в дверях комнаты, руки в карманах, и смотрела не во двор, а на ящик у вахты.

— Кто обещал?

— В письме так было. — Женя пожала плечом. — Я матери прочитала: тут всё как в лагере, связь есть, звони когда хочешь. Она и отпустила.

— А теперь?

— А теперь у меня номерок. — Она достала его из кармана и убрала обратно. — Она ждёт звонка к семи. Каждый день к семи.

Аня посмотрела на её карман.

— Может, вернут.

— Может, — сказала Женя и пошла к себе.

Кристина у окна фыркнула, но ничего не сказала.

К семи Аня переоделась в чистое и пришла в главный корпус. Актальный зал был на первом этаже, за двойными дверями: сцена с трибуной, ряды кресел с откидными сиденьями, на сцене длинный стол и два микрофона, один на стойке, второй у стола. Лампы горели все. В зале было холодно.

Аня села в третьем ряду, у прохода. Народ подходил по двое, по трое, рассаживался не сразу, переговаривался. В углу, у колонки, уже сидела девушка в сером, которая была на завтраке и которую Аня не смогла описать, когда вспоминала стол.

— Лиза, — сказала она, заметив взгляд. — Ты меня не помнишь. Я не удивляюсь.

— Удивляешься.

— Ну, — Лиза согласилась. — Немного.

Через ряд, наискосок, обернулся парень в чёрной водолазке, тот, что утром считал даты.

— Соловьёва? — спросил он. — Соболев. Артём.

— Аня.

— Я знаю. — Он поправил очки. — Тут всем восемнадцать или девятнадцать. Я спрашивал.

— И что?

— Ничего. — Он помолчал. — Так же не бывает. Чтобы все одного возраста, все в один год. — Он отвернулся к сцене. — Это же не детский сад.

В зале было на одного человека больше, чем мест. У сте-

ны, отдельно от всех, стоял приставной стул, и на нём сидела девушка в сером свитере, которую Аня не видела ни в комнате, ни за ужином. Руки она держала на коленях и смотрела на сцену.

В девятнадцать ноль-ноль телевизор на тумбе включился сам.

Экран засветился серым, по нему пошла полоса, и силуэт, голова и плечи, стал виден отчётливее. В зале стало тихо не сразу: кто-то в заднем ряду ещё смеялся, Гушин перегнулся через спинку кресла и что-то сказал Наташе; Арина встала и, сложив руки, посмотрела на задние ряды, и смех прекратился сам.

— Здравствуйте, — сказал голос. В зале он был другой: ниже, чище. — Меня зовут Ректор. Я веду смену, я же отвечаю за всё, что здесь происходит.

На столе перед сценой лежала папка, раскрытая, и два листа в ней были склеены по краю скотчем.

— У нас есть правила. Их двенадцать. Я прочитаю все, потом вы подпишете один документ, что ознакомлены. Читать буду медленно, чтобы было понятно. Если что-то непонятно, спрашивайте по ходу, а не потом.

Гушин поднял руку.

— А если потом?

— Потом будет поздно, — сказал голос без нажима. — Первое. Смена открыта с первого дня и считается идущей непрерывно. Слово «смена» означает и время, и состав. Вто-

рое. Смена идёт с конца сентября до конца февраля и не дольше. Она закрывается, когда в списке остаётся пять человек. Оставшиеся выпускаются с дипломами и покидают здание.

— В смысле, пятеро из пятнадцати? — спросил кто-то из середины.

— Пятеро из пятнадцати.

— А нас шестнадцать, — сказал Осипов.

В зале стало тихо.

— Пятнадцать в списке, — сказал голос. — Ещё вопросы по правилам?

Осипов открыл рот и закрыл.

— Третье. Все участники живут в корпусе Б, питаются в столовой, дежурят по графику, встают и ложатся по времени, которое объявляет громкая связь. Оставаться в корпусах после отбоя нельзя.

Аня посмотрела на свои руки. Слова были обыкновенные, каждое по отдельности понятное, и вместе не складывались ни во что.

— Четвёртое. Покидать территорию нельзя. Главный вход закрыт, запасные выходы заварены, крыша заперта. Попытка выйти считается нарушением и карается отчислением без суда.

— А если пожар? — спросил Осипов.

В телевизоре что-то щёлкнуло.

— Пожарной сигнализации в здании нет. Дым вы увидите

сами.

В зале кто-то хмыкнул. Гуцин повернулся к Наташе и показал глазами: мол, слышала. Наташа не засмеялась.

— Пятое. Если человек умирает насильственной смертью, в течение суток после обнаружения тела собирается классный суд. Не собраться он не может: это не право, а обязанность.

Аня подняла голову.

— Насильственной? — сказала она вслух. Голос не сел.

— Насильственной. Дальше я это объясню.

— Мы что, можем умереть? — спросила Кристина из третьего ряда. Она сидела прямо, положив руки на колени, и смотрела на сцену, не мигая.

— Вы можете. — Полоса на экране пошла ниже. — Шестое. Если обстоятельства указывают на конкретного человека, виновный отчисляется по основанию своего зачисления. Если обстоятельства не указывают ни на кого, отчисляется каждый второй по списку.

— Каждый второй, — повторил Соболев.

— Каждый второй.

— По какому списку?

— По списку группы.

Соболев открыл рот, чтобы спросить ещё, и закрыл. Аня видела, как он быстро, одними пальцами, считает что-то по кромке тетради.

— Седьмое. Отчисление публичное. Оно объявляется в

этом зале, и после него человек покидает здание. — Пауза была ровно на одну строку. — Восьмое. Классный суд ведётся по очереди. Выступает каждый, кто хочет, по одному разу. Голосуют все, кроме обвиняемого. Решение принимается большинством. При равенстве голосов отчисляются оба.

— Оба, — сказал Гуцин уже без улыбки. — Это как?

— Это значит двое.

— Девятое. — В решётке телевизора что-то загудело. — Ректор подчиняется правилам. Если четверо участников потребуют отчёта, я обязан ответить перед всеми и подчиниться решению.

В зале стало очень тихо. Было слышно, как в коридоре за дверью капает вода в ведро.

— Десятое. Победившие пятеро получают выпуск. Выпуск не обсуждается и не отменяется.

— А остальные? — спросили из заднего ряда.

— Одиннадцатое. Правила не пересматриваются. Двенадцатое. Это не кампус и не учебный корпус. Это закрытое пространство, где вы живёте по этим правилам.

— И то, чего в листе нет, — сказал голос. — Вам открыт первый этаж. Лестницы закрыты. Следующий этаж открывается после дела.

— После какого? — спросил Гуцин.

— После закрытого. Когда есть приговор.

— А если приговора не будет? — спросил Осипов.

— Тогда не будет и этажа.

В зале кто-то хмыкнул, и на этот раз никто не засмеялся.

— Вопросы.

Первым встал Осипов.

— Кто это придумал?

— Правила не пересматриваются. Этот вопрос в них не входит.

— Лист на стене старый, — сказал он. — Чернила выцвели. Внизу дата: две тысячи двадцать четвёртый год.

— Вы наблюдательный. Ещё вопросы.

— Что значит отчисление? — спросила Аня. — Не «выпуск», а отчисление. Куда человек уходит?

В зале все повернулись к ней. Она почувствовала это спиной и шеей.

Пауза была длинной.

— Отчисление означает, что человек больше не является участником смены, — сказал голос. — Он покидает здание, и его место считается закрытым.

— Куда покидает?

— Из здания.

— В промзону?

— Из здания. Я отвечу на этот вопрос, когда он станет нужным.

— А мы заявим, — сказал Гущин. — В полицию. Как только отсюда выйдем.

В телевизоре что-то щёлкнуло, и звук пошёл не из решётки, а будто из стен.

— Надо же, — сказал голос. — Какое совпадение.

Кто-то в заднем ряду переступил с ноги на ногу.

— Я сама из правительства, — сказал голос. — Вы, придурки, ещё не поняли? Вас никто не спасёт.

И засмеялся.

Смех шёл из телевизора ровно, без придыхания, как читают правила, и от этого было слышно, что ему действительно смешно. В зале никто не двинулся. Наташа вжалась в спинку кресла. Гущин открыл рот и закрыл.

Первой встала девушка в сером свитере. Стул отъехал назад, она шагнула к сцене и взялась за провод, который шёл от телевизора к плинтусу.

— Выключите это, — сказала она. — Вы не можете так с людьми.

Вилка не выходила: она была залита в плинтус. Девушка потянула сильнее, и Ксю подошла и взяла её за руку.

— Ветрова, — сказала Ксю. — Сядь.

— Надо это выключить.

— Сядь.

Ветрова ещё постояла, глядя на экран, и лицо у неё было белое, губы дрожали. Потом она вернулась на свой стул и до конца собрания не сказала ни слова.

— Подписи. — Папка на столе закрылась сама. — По одному, к столу, начиная с первого ряда.

Очередь двигалась быстро. На столе лежал журнал в твёрдой обложке, раскрытый на последней странице, и ручка

на цепочке. Голос говорил каждому одно и то же: «здесь и здесь». Гушин подписал размашисто, с завитушкой, и обернулся к залу с видом человека, поставившего подпись под чем-то важным. Кристина подписала мелко, аккуратно, как в тетради. Наташа поставила крестик и засмеялась.

— Крестик не годится, — сказал голос.

— Это моя подпись.

— Тогда напишите её словами.

Наташа написала словами.

— Следующий.

Аня оказалась в очереди между Лизой и Ситниковым, и никто из них не разговаривал.

Журнал был старый, с картонной обложкой, углы обтёрлись до серого. На странице слева был список: фамилия, дата, подпись. Даты шли сверху вниз ровными столбиками, и у большинства стояло сегодняшнее число: двадцать восьмое сентября.

Потом она нашла свою фамилию. Соловьёва стояла третьей в женском столбце, дата напротив неё была не сегодняшняя, тридцатое апреля, и подпись уже стояла. Косой короткий росчерк, как удар пера наискось, с петлёй на конце.

Она смотрела на него, пока голос не сказал:

— Здесь. И здесь.

— У меня уже есть подпись.

— В журнале ознакомления. Вы расписывались в апреле, когда подписывали бумаги.

— В апреле я подписывала бумаги в техникуме. Это другой документ.

— Это тот же журнал.

— Я его не видела.

— Вы подписали два экземпляра. Один остался у вас, второй у нас. Журнал заполняется по второму экземпляру.

Аня потянулась к верхнему углу страницы, чтобы посмотреть, что было раньше.

— Здесь, — сказал голос. — И здесь.

Она убрала руку. За спиной кто-то переступил с ноги на ногу.

Аня взяла ручку. Цепочка была длинная, холодная, и ручка оказалась тяжёлой, как будто внутри был не стержень, а что-то ещё.

Она поставила подпись рядом с первой. Получилось почти так же: косо, с петлёй, потому что она всегда так расписывалась, ещё в школе, когда подписывала дневник за мать.

— Следующий.

Девушка в сером свитере подошла к столу последней. Дождалась, пока отойдёт Ситников, взяла ручку и расписалась, не глядя в журнал, — коротким росчерком, как ставят подпись на квитанции. Потом положила ручку на место, ровно поперёк листа.

После собрания никто не пошёл спать. Народ высыпал в коридор и стоял у дверей.

— Каждый второй — это лотерея, — сказал Гушин, уса-

живаясь на подоконник. — А лотерея у нас Соболев.

— У меня есть голос, — сказал Соболев.

— Против кого?

Соболев не ответил. Он смотрел на Арину, которая стояла с папкой у стены и молчала. Арина отвела глаза.

— Я не собираюсь тут умирать, — сказала Кристина очень отчётливо, и её слышали все.

— Никто не собирается, — сказал Гушин. — Все доедут до февраля и уедут.

— С дипломами, — сказала Вера. — Мне мама не поверит.

Кто-то засмеялся, и смех был короткий. Свиридов стоял в стороне, у окна, руки в карманах, и смотрел наружу, где уже совсем стемнело.

— Ксю, — сказала Аня. — У тебя какая дата в журнале?

— Двадцать восьмое. — Ксю повернулась. — А что?

— У меня тридцатое апреля.

Ксю подумала и сказала:

— Ну, ты, может, раньше бумаги подписала.

— Может.

Ксю пожала плечом и отвернулась.

В комнате в тот вечер никто не спал. Кристина сидела на подоконнике и вертела в руках номерок, будто он мог что-то показать. Ксю перебирала пакеты, пересчитывала банки с крупой и записывала в блокнот, шевеля губами. Из-за стены, из соседней комнаты, доносился Женин голос: она рас-

сказывала кому-то в потолок про антенны и про то, как садится батарейка.

Свет погас в одиннадцать. Аня лежала с открытыми глазами, и в голове у неё, вместо шагов и вместо правил, стояла та строчка: фамилия, дата, подпись. Косой росчерк с петлёй.

Она встала, нашла в темноте рюкзак, потом тумбочку, потом папку. Достала второй экземпляр договора, подписанный в апреле, и поднесла к окну, где было немного света от фонаря.

Росчерк был тот же. Тот же наклон, та же петля, и на бумаге остался след, как от нажима.

Аня долго смотрела на росчерк. Потом убрала папку на место, закрыла тумбочку и легла.

Перед этим, когда она ходила за водой, в коридоре у батареи стояла раскладушка, и на ней, укрывшись курткой, лежала девушка в сером свитере. Аня остановилась с кружкой в руке.

— Мне койки не хватило, — сказала девушка, не открывая глаз. — Ничего. Тут тепло.

В конце крыла, за душевыми, зашумела вода и через минуту смолкла.

Глава 2

Свет включили в семь, и через минуту в конце крыла зазвенел таз, потом второй, потом кто-то потащил по полу что-то тяжёлое, и оно скребло.

Ксю стояла в дверях с полотенцем на плече и листком в руке.

— Стирка. — Она постучала листком по косяку. — Кто не сдал, сдаёт сейчас. Потом до воскресенья не будет.

Аня достала из рюкзака толстовку и две футболки. Кристина подошла к своей койке и вытащила из чемодана белую кофту, ту самую, в которой приехала. Подол у неё был серый от дороги.

В душевой было холодно. Пар от бака стоял у потолка, а на полу лежал цемент, и по нему тянуло из форточки. Тазы стояли в ряд: три казённых, а четвёртый Ксю принесла из кладовки и поставила отдельно, для белого.

— Кипяток по два ковша. Больше не дам, воду грели с шести.

Кристина отмерила ковш, потом второй, попробовала ладонью и поморщилась.

— Горячо.

— Руки береги. — Ксю кивнула на её пальцы. — Ты ими лицо красишь.

Кристина засмеялась и опустила кофту в таз. Вода в нём

сразу стала серой.

Ксю отмерила себе два ковша, налила в свой таз и опустила руки без осторожности.

— Дома у нас было корыто, — сказала она. — И плита. Воду грели с вечера, чтобы утром очередь не стояла. Младшие носили по два ведра, по очереди.

— И сколько раз в неделю? — спросила Аня.

— В субботу. И в среду, если бельё накопилось.

Она тёрла воротник чьей-то рубашки, придерживая его у края таза, и воротник светлел полосами.

Аня взяла свою толстовку и начала с рукавов, как учила мать: сначала манжеты, потом ворот, потом всё остальное. Мыло было хозяйственное, куском, и пахло так, как пахло в детстве на кухне, когда стирали постельное.

— Ты откуда, я забыла? — спросила Кристина, не поднимая головы.

— Из-под Ключей. Райцентр.

— Это где?

— Четыре часа на автобусе.

— У нас в городе все говорили, что сюда ехать некуда и незачем. — Кристина выкрутила угол кофты и бросила его в воду. — А я всё равно поехала. Мать сказала: хоть куда-нибудь, лишь бы не в торговый центр.

— Она тебя провожала?

— До автовокзала. — Кристина помолчала. — Дала денег на дорогу и сказала звонить каждый день. Больше ничего не

сказала.

Она посмотрела на Аню и улыбнулась, будто извиняясь за мать.

— Я тут первая приехала, представляешь? В зале никого, только телевизор светится. Я спросила, где все, а он говорит: приедут. Как будто я в лагерь на смену опоздала.

— И что?

— Ничего. Автобус ушёл.

В коридоре загремело ведро, потом второе, и по цементу поехало что-то тяжёлое.

— Дорогу! Иду!

Гущин вошёл боком, потому что с двумя вёдрами в дверь не проходил, и поставил их у бака. На нём была оранжевая толстовка, рукава закатаны выше локтя, и на левом локте темнело мокрое пятно.

— Кто дежурный по воде? — спросила Ксю.

— Я сегодня везде дежурный. — Он выпрямился и вытер руки о штаны. — Тут у вас пар, как в бане. Хорошо.

— Не хорошо, — сказала Ксю. — У нас мыло кончается.

— Так я принесу. — Гущин подмигнул Кристине. — Скажи, что надо, я принесу.

— Мыло, — сказала Кристина.

— Мыло. — Он кивнул и не двинулся с места. — Слушай, а ты же с конкурсов, да? Я тебя видел. Ты в доме культуры вела, весной, с микрофоном.

Кристина подняла голову.

— Ты был там?

— У нас весь посёлок туда ездил. — Гущин подтянул лямку рюкзака на плече. — Ты хорошо вела. Я потом у ребят спрашивал, кто это. Никто не знал.

— Теперь знаешь.

— Теперь знаю. — Он посмотрел на Аню и тут же обратно на Кристину. — За тот концерт мне двойку по геометрии исправили, учительница сама предложила.

— И ты взял? — спросила Кристина.

— А что, я зря его вёл?

— Мы, между прочим, почти соседи. Я в посёлке при станции, три остановки от её райцентра.

Кристина обернулась к Ане.

— Правда?

— Три остановки, — сказала Аня.

— Вот. — Гущин хлопнул ладонью по краю бака. — Так что я тут местный. Ладно, я пошёл, у меня ещё уголь.

Он вышел, и в душевой стало тише. Ксю взяла его ведро и перелила воду в бак, не пролив ни капли.

— Он всегда так? — спросила Аня.

— Пока всегда. — Ксю поставила ведро на пол. — Он мне вчера сказал, что отец у него на путях и что он может сигарет достать.

— И что?

— И то, что сигареты тут никому не нужны. — Она взяла свой листок и что-то в нём отметила. — Полоскать будешь в

этом тазу. Вода после первого раза идёт на пол.

— А если правда может? — спросила Аня.

Ксю посмотрела на неё, как смотрят на человека, который сказал глупость, и не стала смеяться.

— Автобус два раза в день, и то до кольца не доходит. — Она повесила полотенце на крючок. — Тут не бывает ничего. Что привезли, то и есть.

Аня промолчала. Про хлеб она не сказала: на подносе хлеб лежал тёплый, а автобус ушёл вчера в шесть десять, и больше не приходил.

Она полоскала долго, меняя воду. Кристина выжимала кофту, и Аня держала другой конец, потому что одной было не справиться. Вода из кофты шла серая, и подол всё равно остался серым, сколько его ни тёрли.

— Белая была, — сказала Кристина. — Я её в марте купила, на первую зарплату.

— Отстирается.

— Ага. — Кристина повесила кофту на трубу у потолка. — Тут всё отстирается. Тут даже мыло не пахнет.

Она сняла с пальца кольцо из фольги и положила его на лавку, рядом с тазом. Кольцо было смятое с одного бока и блестело, как настоящее.

— Не потеряй, — сказала Аня.

— Я его в душевой не ношу. — Кристина подышала на руки. — Оно от бутылки. У нас в торговом центре таких на кассе целая коробка.

— А почему не снимешь?

— Потому что тогда все решат, что у меня денег нет. — Она улыбнулась. — А у меня их и нет.

В девять свет мигнул и погас, и Ксю сказала выходить. У Ани занемели пальцы. Она вышла в коридор с тазом и услышала голоса за поворотом. Гуцин стоял у окна с Кристиной, руки в карманах, и говорил негромко, но в коридоре было гулко, и слышно было каждое слово.

— У нас зимой пути заносит, — говорил он. — Отец в обход идёт, а я ему фонарь ношу.

Кристина смеялась.

Аня постояла с тазом, потом прошла мимо них, и Гуцин сказал ей «Соловьёва» и поднял руку. Она кивнула и вернулась в душевую, и там долго мыла таз под краном, хотя таз был чистый.

К обеду в столовой пахло так, что Аня почувствовала голод раньше, чем дошла до двери. Пахло луком и тушёнкой, и ещё чем-то кислым, как от капусты.

Ксю стояла за раздаткой с половником, и перед ней лежали тарелки, одна к одной, ровным рядом.

— Садись, — сказала она. — Я потом.

— Я могу помочь.

Ксю посмотрела на неё, потом на кастрюлю.

— Держи половник. Наливай по одному, не по два. Кто захочет добавку, придёт после всех.

Аня встала рядом. Первым подошёл Гуцин, поставил та-

релку и сказал: «Побольше, я сегодня работал». Ксю налила ему столько же, сколько всем.

— Это не побольше.

— Это ровно. — Она подвинула тарелку. — Побольше будет после всех, если останется.

Гущин засмеялся и понёс тарелку, а за ним подошли остальные: Вера, Наташа, Ситников с коробкой в другой руке, Осипов, который ел и не отрывался от своего листа. Кристина взяла свою порцию, села к окну и съела половину.

Наташа вернулась первой, когда за столом ещё сидели.

— Добавку.

— После всех, — сказала Ксю.

— Там ещё полкастрюли.

— И что?

Наташа постояла, потом поставила тарелку на раздатку, громко, и ушла. Ксю налила ей добавку, когда ушли последние, и Наташа пришла за ней молча.

— У нас в ДЮСШ по часам кормили, — сказала она, садясь напротив. — Кто опоздал, тот ждал. Вот я и привыкла сразу.

— Тут не ДЮСШ, — сказала Ксю.

— Я заметила.

Аня наливала и считала: пятнадцать порций. На шестнадцатую тарелку каши не хватило, и девушка в сером свитере сказала: «Мне и так нормально», и ушла с половиной. Потом пошла добавка, и на пятой Аня сбилась. Ксю проверяла за

ней взглядом, но ничего не говорила, а в середине сказала:

— Ты считаешь.

— Считаю.

— Хорошо, — сказала Ксю. — Все едят, а считать некому.

Когда все разошлись, Ксю села на табурет и открыла тетрадь. Страницы были расчерчены от руки: дата, что взяли, сколько осталось. Половина строк была заполнена аккуратным почерком, и цифры стояли ровным столбиком.

— Сколько у нас крупы? — спросила Аня.

— Гречки четыре пакета, риса три, макарон восемь. — Ксю писала, не поднимая головы. — Муки мешок, но она в кладовке, за замком. Крупа у меня.

— А зачем считать?

Ксю подняла на неё глаза.

— Затем, что спросят. — Она закрыла тетрадь. — Ты не из села?

— Из райцентра.

— А я из села. Девяносто километров. — Она убрала тетрадь под раздатку. — У меня четверо младших. Я дома с десяти лет всё считала: хлеб, молоко, дрова.

— Четверо?

Ксю вытерла стол.

— Пятеро нас. Я старшая. Мать на почте, отец на тракторе.

— И как ты их оставила?

— А что делать. — Ксю пожала плечом. — Я им тетрадку

оставила: кто когда что делает, кто за кем смотрит. Младшему семь, он читает плохо, но расписание выучил.

Аня подумала про своего брата, про то, как он утром ищет носки и не находит, и ничего не сказала.

— А ты? — спросила Ксю.

— Брат. Ему двенадцать.

— Мать одна?

— С отчимом.

Ксю кивнула и не стала уточнять.

— Тут то же самое. Только народу меньше. — Она поправила тетрадь. — Крупу выдаю, воду наливаю, пока генератор работает. Возьмёт кто без меня — остаток не сойдётся, я увижу.

— И сходится?

Ксю подумала.

— Пока сходится. Но мыло кончается быстрее, чем должно. Я его вчера пересчитала, было девять кусков. Сегодня восемь, а стирали только трое.

Аня посмотрела на её руки, на трещины у костяшек.

— Может, кто-то взял.

— Может.

Ксю встала.

— Только мыло не то, что берут тайком. Мыло лежит на виду.

В коридоре Аню ждала Кристина, с пластиковым номерком в руке и с лицом человека, который что-то придумал.

— Пойдём, — сказала она. — Я нашла, где они лежат.

Она повела Аню в главный корпус, к вахте, и остановилась перед деревянным ящиком с ячейками. В ячейках, за стеклом, лежали телефоны, ряд за рядом, и на каждом был наклеен номер.

— Видишь? — Кристина приложила ладонь к стеклу. — Все тут. И мой, и твой.

— Заперто?

— Заперто. — Она подёргала дверцу. — Я просила. Он сказал: ключ у меня, отдам в конце смены.

Аня посмотрела на ячейку с номером одиннадцать. Её телефон лежал экраном вверх, и на экране было то же время, что утром.

— В конце смены — это когда?

— В феврале, — сказала Кристина. — Так и сказали: в феврале.

Она отошла от ящика и села на стойку вахты, свесив ноги.

— Может, наверху попросить?

— Я на лестницу ходила. — Кристина поправила волосы. — Там решётка и замок. Я её дёргала, она даже не шевельнулась.

Аня вспомнила фанерку с цифрой «2» и то, как глухо звучит железо, если стукнуть по нему костяшкой.

— Я тоже дёргала.

Кристина посмотрела на неё и вдруг засмеялась.

— Значит, мы обе дуры. — Она достала зеркальце и про-

вела по губам. — Слушай, а что ты матери сказала?

— Ничего. Не успела.

— А я успела. — Кристина закрыла зеркальце. — Сказала, что тут будет как в лагере. Она выдохнула, лагерь она понимает. — Она помолчала. — Только в лагере хоть письма. А тут ни позвонить, ни написать.

— Может, вернут раньше?

— Может. — Кристина посмотрела на ящик. — Моя мать работает в парикмахерской до восьми. Если я не звоню до шести, она уже думает всякое.

— Какое всякое?

— Не знаю. Что меня нет. — Кристина пожала плечом. — Она у меня из тех, кто ставит кюветку и на всякий случай едет в морг.

Аня села рядом. В атриуме было тихо, и от ящика пахло тёплым пластиком.

— Я в Москву ездила, на кастинг, — сказала Кристина, глядя на стекло. — Восемь часов в автобусе, ночевала у знакомой в Люберцах. Мне сказали «мы вам перезвоним».

— И?

— И не перезвонили. — Она пожала плечом. — Зато тут позвонили. И телефон забрали.

На стойке под стеклом лежал список. Аня наклонилась: пятнадцать фамилий столбиком, напротив каждой — комната.

— Это что?

— Список. — Кристина даже не обернулась. — Его на вахте держат, чтобы знать, кто где.

Аня прошла глазами по строчкам. Морозова, Кузнецова, Соловьёва, Голубева, Ерохина, Рубцова, Волкова, Хвостова, Круглова, Гущин, Соболев, Осипов, Ситников, Свиридов. Последняя была Пахомов, и напротив стояло: «корпус Б, котельная».

— Кто такой Пахомов?

— Не знаю.

— Как не знаешь?

— А так. — Кристина спрыгнула со стойки. — Я его не видела ни разу.

— Он тут живёт?

— В списке живёт.

В столовой к вечеру стало шумно. Гущин сидел верхом на стуле и раздавал прозвища.

Кристине за её белые кроссовки досталось «Рубль». Ксю он назвал Морозом, потому что она не улыбалась. Свиридову сказал «Свирия» и тут же поправился: «Нет, Свирия — это как свинья. Ты будешь Димон». Вере досталось «Кузнечик», хотя, пока он сидел, она была выше его на полголовы.

— Меня зовут Вера, — сказала она.

— Кузнечик.

— Вера.

— Ладно, — согласился Гущин. — Кузнечик Вера.

Дошла очередь до Арины. Она стояла у стены с папкой, и

Гущин посмотрел на неё снизу.

— Староста.

— У меня есть имя.

— Есть, — согласился он. — Староста.

Кто-то прыснул. Арина не засмеялась, а раскрыла папку и сказала:

— Дежурства на стене. Кто не посмотрел, посмотрит. Со среды меняются: столовая, вода, обход.

— Обход, — повторил Гущин. — Это что, ходить и смотреть?

— Это ходить и смотреть, — сказала Арина. — Если не смотрел, значит, не было.

Ксю на «Мороза» не обиделась, только сказала: «Хоть горшком назови, в печь не ставь».

Аня сидела с краю и ела. Смеяться было легко, и она смеялась. Свиридов за всё это время не сказал ничего. Гущин подождал, потом перегнулся через стол и постучал пальцем по его тарелке.

— Ты немой?

Свиридов посмотрел на него.

— Услышал.

Гущин засмеялся, будто ему ответили шуткой, и оставил его в покое.

— Арина, — спросил он через стол. — А каникулы будут? Арина не подняла головы от папки.

— Смена идёт до конца февраля.

— А потом?

— Потом закрывается.

— Сколько до февраля?

Она посчитала в уме, быстро.

— Сто пятьдесят два дня.

Гущин присвистнул.

— Ну, кто-нибудь доживёт.

Он сказал это как шутку, и кто-то засмеялся, и Кристина тоже. Аня засмеялась вместе со всеми и слышала свой смех со стороны: короткий, не в такт. Потом перестала.

После ужина в комнате зажгли лампу и не гасили её до одиннадцати. Кристина сидела на подоконнике с полотенцем на плечах и сушила волосы, расчёсывая их по пряди. Флакон она поставила рядом, открыла, понюхала и закрыла.

— Кончился, — сказала она. — Дома был целый ящик, я его матери оставила. Она всю жизнь чужие головы делает, а свои руки в краске.

Ксю штопала носок, держа его на весу, и нитка шла ровно, стежок за стежком. На коленях у неё лежали ещё три, и все были разные.

— Ты всем штопаешь? — спросила Аня.

— Пока просят. — Ксю откусила нитку. — Потом буду брать крупой.

Кристина засмеялась.

— Вот поэтому ты Мороз.

— Вот поэтому у меня носки целые, — сказала Ксю. —

А у тебя к осени будут дырки, и крупной ты со мной не считаешься.

За стеной, у соседей, был слышен Женин голос: она рассказывала кому-то, как на повороте с трассы автобус стоял двадцать минут и она успела сбегать за водой и пирожками, а потом всю дорогу жалела, что не взяла больше.

Аня достала из тумбочки блокнот. Он был вытертый по углам, с оторванной резинкой на молнии, и страницы в нём шли вкось, потому что она всегда писала на весу. На последней странице ещё с дома было записано расписание автобусов.

— Что ты там пишешь? — спросила Кристина.

— Ничего. Список.

— Какой?

Аня не ответила сразу. Потом сказала:

— Кто что сказал.

Кристина перестала расчёсывать волосы.

— Зачем?

— Не знаю. Привыкла.

— Это как дневник?

— Нет. — Аня подумала. — В дневнике про себя. А тут про других.

Кристина села ровнее.

— У меня тоже был дневник. — Она сказала это почти весело. — В восьмом классе. Мать нашла под матрасом и прочитала, а потом пришла в школу и спросила у классной,

что это за мальчик.

— И что?

— И ничего. — Кристина улыбнулась. — Мальчик оказался из десятого, и он потом полгода со мной не здоровался. Я после этого дневники не пишу.

Ксю подняла голову, посмотрела на блокнот и ничего не сказала. Она откусила новую нитку и вернулась к носку.

— Ты его не оставляй на виду, — сказала она вдруг. — Мало ли.

Прежде чем убрать блокнот в тумбочку, к задней стенке, поближе к папке, Аня записала на новой странице: «Рубль. Мороз. Димон. Кузнечик. Староста». Ниже добавила: «Себе он имён не даёт. Он их выдаёт».

В коридоре щёлкнуло, и в конце крыла загорелась лампа над лестницей. Аня взяла кружку и вышла за водой.

У щитка никого не было. Дверца стояла приоткрытой, в проёме горел красный огонёк, а на полу лежали ведро с водой и тряпка, мокрая, сложенная вдвое.

— Соловьёва.

Голос шёл из репродуктора над щитком, того самого, что утром говорил про корпус Б. Аня остановилась с кружкой в руке.

— У вас в комнате окно не закрывается до конца. Я знаю.

— Я хотела сказать.

— Скажите сейчас.

— Окно не закрывается, — сказала Аня. — До конца.

— Хорошо.

Она набрала воды из бака и уже пошла обратно, когда репродуктор щёлкнул опять.

— Вы вчера во дворе руку поднимали.

Аня остановилась.

— Поднимала.

— На третьем этаже мой кабинет. Я смотрю оттуда, кто где ходит.

— Это вы погасили свет?

— Свет гаснет в одиннадцать. — Пауза. — Всё остальное гаснет само.

— Он погас, когда я подняла руку.

— Значит, вам показалось, что вовремя.

Аня держала кружку двумя руками.

— Почему вы не хотите, чтобы на вас смотрели?

— Потому что в мои окна смотрят снизу, — сказал голос.
— И всегда с одним и тем же лицом.

В решётке щёлкнуло, и репродуктор замолчал. Аня дошла до двери комнаты, когда он заговорил снова, тише:

— Не задерживайтесь. Я проверяю.

В комнате Кристина уже лежала, укрытая до подбородка, и номерок держала под подушкой. Ксю спала на краю, лицом к стене. Аня легла и поставила кружку на пол.

В одиннадцать свет погас, и через минуту где-то в здании смолк генератор. В темноте стало слышно, как в трубах идёт вода.

Шаги начались позже, когда Кристина уже спала. Они шли от лестницы, ровные, неспешные, и Аня лежала, считая их, как вчера: раз, два, три, четыре. У двери шаги замедлились, и она успела подумать, что сегодня ручка повернётся.

Ручка не повернулась. Шаги ушли к душевым и стихли.

Аня лежала ещё немного. В комнате было темно, только от фонаря на подоконнике лежала серая полоса. Кристина дышала глубоко и ровно. Ксю лежала на краю, лицом к стене.

Аня села. Она не знала, зачем встаёт, и в то же время знала: если сегодня не посмотреть, завтра она будет думать об этом весь день и ничего не скажет.

Она нащупала кроссовки, не стала их надевать и вышла в коридор босиком.

В коридоре было холодно. Цемент лежал под ногами шершавый, и в темноте было слышно, как где-то капает вода: редко, через долгие промежутки. У лестницы горел красный глазок, и в его свете видно было, где стена, а где воздух.

Аня пошла к повороту и остановилась.

В конце крыла была открыта дверь в душевую, и оттуда шёл свет.

Она подошла ближе, шаг за шагом, держась стены. В душевой горела лампа, одна, над кабинками, и в её свете стоял пар. Пахло мылом и горячей водой, и ещё чем-то, как от мокрой тряпки.

Внутри никого не было.

На полу стоял таз, полный воды, и рядом лежал кусок мы-

ла, мокрый, с пеной сверху. Стены кабинок были тёмные от воды, будто их только что облили. На цементе темнели следы, мокрые, босые, и они шли от кабинок к двери и там кончались.

Аня наклонилась и опустила пальцы в таз. Вода была тёплая, как из бака, и ещё не остыла.

Она поставила рядом свою ногу. След Ани был длиннее и шире.

Над лавкой, на крючках, висели полотенца. На третьем, том, что царапал и оставлял на ткани нитки, висело серое полотенце, сложенное вдвое. Бирка на нём была пришита сбоку, и на бирке шариковой ручкой, крупно, было написано: «Ветрова».

Аня стояла и смотрела на это имя. Фамилии пятнадцати она помнила из журнала, где они стояли столбиком: Морозова, Кузнецова, Соловьёва, Голубева, Ерохина, Рубцова, Волкова, Хвостова, Круглова. Ветровой среди них не было. Но девушка с этой фамилией была: та, что спала в коридоре на раскладушке, та, которой не хватило койки и места за столом. Аня не знала, как её зовут, и ни разу не спросила.

Она потрогала полотенце. Оно было влажное, но не мокрое, и ворс на нём был мягче, чем на казённых.

Она сняла с запястья красную резинку и натянула её на крючок, поверх края полотенца, в две петли. Резинка села плотно.

Кто придёт за полотенцем, снимет его вместе с резинкой

или заметит и снимет отдельно. Аня посмотрела на красное колечко и отошла на шаг.

В коридоре за её спиной скрипнуло.

Аня обернулась. Коридор был пустой, красный глазок горел у лестницы, и больше ничего не было. Она постояла, считая до десяти, потом до двадцати.

Тишина.

Она вышла, прикрыла за собой дверь душевой, но не до конца, как было, и пошла обратно, стараясь ступать там, где цемент не скрипел.

В комнате Кристина спала в той же позе, а Ксю повернулась на другой бок. Аня легла прямо в одежде и натянула на себя край одеяла. Она не спала до утра, но шагов больше не было.

Утром Ксю встала первой и ушла в душевую. Вернулась она через минуту и села на койку.

— Мыло, — сказала она. — Было восемь. Осталось семь. Кристина ещё спала, укрытая с головой.

Аня сидела на койке и смотрела на свои руки. Потом сказала:

— Ксю. Я ночью ходила в душевую.

Ксю обернулась. Полотенце с плеча она так и не сняла.

— Зачем?

— Шаги. Я слышала шаги и пошла.

— Какие шаги?

— Ночью по коридору кто-то ходит. Каждую ночь. — Аня

говорила тихо, чтобы не разбудить Кристину. — Я вышла, в душевой горел свет.

Ксю села на свою койку, напротив.

— И что там?

— Таз с водой. Вода тёплая. Стены мокрые, как будто мыли.

— И всё?

— И полотенце на крючке. Серое, с биркой. На бирке написано «Ветрова».

Ксю молчала долго. Потом сказала:

— Это та, в коридоре?

— Наверное.

— У неё и полотенца нет. — Ксю посмотрела на крючки.

— И спать ей негде.

— Я Арине скажу.

Ксю встала.

— Пойдём.

В душевой было холодно и пусто, как всегда по утрам. Пар ещё не поднялся, потому что бак только начинали греть. Таз стоял у стены, пустой и сухой. На крючках висели полотенца: три казённых, серых, с синими полосами по краю, и одно Кристинино, белое, с кружевом.

Третьего крючка Аня коснулась рукой. Он царапал. Полотенца с биркой на нём не было, и резинки тоже.

— Вот здесь оно висело, — сказала она. — И я оставила на крючке резинку. Красную, с запястья.

Ксю потрогала крючок, потом посмотрела на пол. Пол был вымыт, ровный, серый.

— Покажи руку.

Аня подняла левую. На запястье осталась светлая полоска, узкая, как от браслета.

Ксю смотрела на неё дольше, чем нужно.

— Значит, сняли и полотенце, и резинку, — сказала она.

— И пол вымыли.

Ксю подошла к стене и потрогала трубу. Потом посмотрела на бак, на таз, на крючки и сказала:

— Скажи Арине.

— Скажу.

— Не «скажу», а скажи. Она староста, с неё спрос, а не с нас.

За завтраком Аня подошла к Арине. Та стояла у стены с папкой и карандашом, и на листе у неё был расчерчен график, ровный, как в школьной тетради.

— Арина.

— Дежурство в среду, — сказала Арина, не поднимая головы. — Я тебе вчера говорила.

— Не про это. Ночью в душевой кто-то был. Свет горел. И полотенце висело, с биркой. «Ветрова». — Аня сбилась и начала снова: — Я резинку на крючок повесила, красную. Утром ни резинки, ни полотенца.

Арина подняла голову и посмотрела на неё так, будто ей принесли справку не из того кабинета.

— Ветровой в списке нет.

— Она в коридоре спит.

— В списке нет, — повторила Арина. — Значит, и полотенца у неё нет. Кто-то привёз своё. — Она снова посмотрела в лист. — Резинок у меня в папке десяток. У всех по два полотенца, у меня три. Что ты хочешь, чтобы я сделала?

— Ничего. Я думала, ты знаешь, кто это.

— Я знаю, кто где дежурит. — Арина подчеркнула строку. — Больше я ничего не знаю.

— Думаешь, я от скуки листы вешаю? — Арина посмотрела на неё. — У меня мать завуч. У нас дома расписание на холодильнике висело, я его с шести лет переписывала.

— И?

— И без листа они через неделю еду делить начнут. По справедливости.

Она отошла к раздатке и начала говорить с Ксю про крупу. Аня постояла и вернулась к своему месту.

Кристина сидела, положив подбородок на руку, и смотрела на неё.

— Что ты ей сказала?

— Про полотенце.

— И?

— Она сказала, у всех по два.

Кристина засмеялась.

— У меня одно.

— У меня тоже.

— Ну вот, — сказала Кристина. — Значит, у кого-то три.

После завтрака Аня пошла к котельной. В корпусе никого не нашла, в столовой тоже, и Ситников, который чистил зубы у крана, сказал: «А кто его знает. Там всё время кто-то есть».

Двор днём выглядел больше, чем ночью. Клумба с бурьяном, флагшток без флага, качели без сиденья. Котельная стояла у стены главного корпуса, низкая, в один этаж, и стена у неё была тёплая.

Дверь была заперта. Аня подёргала ручку, потом постучала. Внутри гудело ровно, низко, и от этого гудения дверь чуть дрожала под ладонью. Никто не вышел и не отозвался.

— Там всегда так, — сказала Зоя.

Она стояла у стены котельной, приложив к ней ладонь, и смотрела не на Аню, а на кладку.

— Тепло идёт сверху, от трубы. Значит, топят не здесь, а наверху, и дверь тут ни при чём.

— А кто топит?

Зоя убрала руку.

— Ключ один. От котельной, от щитка и от люка. Я смотрела все гвозди в корпусе, второго нет.

— У кого он?

— У того, кто говорит. — Зоя кивнула на репродуктор над дверью. — Спроси у него.

Аня посмотрела на репродуктор. Он молчал, и в решётке лежала пыль.

— Я уже спрашивала, — сказала она. — Он отвечает не

на то, что спрашиваешь.

— Ну да, — сказала Зоя и пошла к корпусу.

Аня ещё постояла. У стены котельной лежали две доски, и трава под ними была примята. Она наклонилась: под досками была земля, след от колеса и след от ноги, глубокий, свежий.

Она выпрямилась и вернулась в корпус.

В столовой было пусто, только Осипов сидел за отдельным столом у окна, разложив свои листы. Перед ним стояла чашка, и чай в ней давно остыл.

Аня подошла и положила на стол папку.

— Посмотри.

Осипов поднял голову.

— Что это?

— Договор. Второй экземпляр.

Он вытер руки о салфетку и открыл папку. Достал бланк, потом договор, разложил их рядом и начал читать, водя пальцем по строкам.

— Так, — сказал он. — Номер приказа видишь?

— Вижу.

— У тебя сто четырнадцать. — Он подтянул свой лист. — У Морозовой сто девять, у меня сто двадцать один, у Гущина сто восемнадцать.

— И что?

— По номерам ты раньше меня на неделю. — Осипов постучал пальцем по дате. — А по дате позже.

Аня села напротив.

— Это ошибка?

— Ошибок не бывает. — Он постучал пальцем по строке.

— Приказ регистрируют, когда подписывают, число и номер идут вместе. У тебя сто четырнадцать и тридцатое апреля. У меня сто двадцать первый и одиннадцатое.

Аня посмотрела на числа, потом на него.

— Значит, мой номер раньше, а дата позже.

— Значит. — Осипов положил ладонь на папку. — Я в двенадцать сам тянул спицы в ногах, а с четырнадцати собирал свои бумаги. Печать от кружка я отличу.

— Может, даты вписывали потом?

— Может. — Осипов посмотрел на неё. — Только кто бы стал? И зачем?

Он перевернул договор и посмотрел на подпись.

— Здесь подпись настоящая. Ты сама подписывала?

— В апреле. На профориентационном.

— И я подписывал. — Он сложил листы и вернул ей папку. — Все подписывали. Я у десяти человек спрашивал.

— И что они говорят?

— Что это ерунда. — Осипов взял чашку и посмотрел в неё. — Что все так подписывают и ничего не случается.

— А ты так не думаешь?

— Я думаю, что бумаги готовили заранее. — Он поставил чашку. — И готовили не на нас. На кого-то, кто должен был приехать раньше.

Аня держала папку на коленях.

— Ты кому-нибудь говорил?

— Арине. — Осипов усмехнулся одними губами. — Арина сказала, чтобы я не сеял панику.

— А Ректор?

— А Ректор сказал, что вопросы по документам решаются через приёмную комиссию. — Он посмотрел на неё. — Она на втором этаже. За решёткой.

Аня убрала папку в рюкзак.

— Спасибо, — сказала она.

Осипов кивнул и вернулся к своим листам, и Аня поняла, что он ждал этого разговора давно и она пришла первой.

После обеда Арина вывесила лист на стену в столовой и сказала, что сегодня уборка. Кристина и Аня мыли душевую, Вера и Наташа — коридор, Осипов и Соболев — столовую.

В душевой Кристина надела резиновые перчатки, выпрошенные у Ситникова.

— И это всё руками, — сказала она. — Я после этого неделю спать не буду.

— Тут только вода и мыло.

— Тут чужие волосы.

Она мыла кабинки, а Аня тёрла пол и слив. Вода уходила медленно, и в решётке остались волосы, тёмные и светлые, и Аня вынимала их пальцами через тряпку.

— Слушай, — сказала Кристина из кабинки. — А ты правда видела то полотенце?

— Правда.

— И имя запомнила?

— «Ветрова».

Кристина вышла из кабинки и сняла перчатки.

— Это та, на раскладушке. — Она подумала. — Поля, кажется. Или Полина.

— Шестнадцатая.

— Ага. — Кристина села на лавку. — Только полотенца у неё всё равно нет. Я видела, она руки о рукав вытирает.

Аня посмотрела на крючок, который царапал. На нём висело казённое полотенце с синей полосой.

— А откуда у неё полотенце, если ей ничего не выдали?

— Вот и я думаю. — Кристина натянула перчатки обратно. — Может, привезла. Или дали. Только кто?

Она вернулась в кабинку, и было слышно, как она трёт стену.

Окно в комнате починили, пока их не было. Петли были смазаны, ручка стояла на месте, и рама закрылась с первого раза, плотно.

— Вот, — сказала Кристина, открывая его. — Работает.

— Кто починил?

— А я знаю. — Кристина пожала плечом. — Я не просила.

Вечером в коридоре былолюдно. Свет горел до одиннадцати, и все, кому было нечего делать в комнате, вышли и стояли у стен.

Наташа делала приседания у батареи, ровно, считая про

себя: вниз, вверх, вниз. На полу под ней темнело пятно от подошв.

— Двадцать, — сказала она и выпрямилась. — Двадцать один.

— Тебе колено не даст, — сказал Ситников. Он шёл мимо с аптечкой и остановился.

— Двадцать два.

— Я серьёзно.

— А я нет. — Наташа присела ещё раз и поморщилась на середине, но встала.

Ситников поставил коробку на подоконник и присел рядом на корточки.

— Дай.

— Чего дай?

— Ногу.

— Иди лечи кого-нибудь.

Он не ушёл. Сидел и смотрел на её колено, как смотрят на чужую работу.

— Ты его в гипсе держала? — спросил он наконец.

— Полгода.

— И после гипса сразу в зал?

— Через месяц.

Ситников выпрямился.

— Тогда ты знаешь, что оно тебе скажет. — Он взял коробку. — Я не буду уговаривать. Просто когда оно скажет, не ори.

— Не буду, — сказала Наташа и присела ещё раз, уже медленнее.

Вера вышла из душевой с тазом воды и стала мыть коридор от стены, хотя пол мыли утром.

— Твоя очередь? — спросила Аня.

— Нет. — Вера выжала тряпку. — Просто тут ходят и натаскивают.

— Кто?

— Все.

Она мыла молча, и вода в тазу становилась серой. У стены, где стояла Лиза, Вера обошла таз и провела тряпкой ещё раз, под ногами.

— Встань, — сказала она. — Дай пройти.

Лиза отступила на полшага, не отрываясь от окна.

— Спасибо, — сказала Вера.

Лиза кивнула.

Аня стояла с кружкой и смотрела на репродуктор над дверью. Он был старый, с решёткой, затянутой пылью, и в нём что-то тихо щёлкало.

— Он не от генератора, — сказала Женя.

Она сидела на подоконнике, свесив ноги, с фонариком в руке, и светила в щель над решёткой.

— Что?

— Репродуктор. — Женя посветила ещё. — Генератор в подвале, вот тут кабель идёт вниз, а этот провод — от щитка. Значит, он на своём таймере. — Она постучала пальцем по

коробке. — Он включается и выключается сам, даже когда света нет.

— И что это значит?

— Что расписание кто-то поставил заранее. — Женя со-
скочила с подоконника. — В брошенном здании не бывает
будильников.

— Ты уверена?

— Я такие коробки разбирала. — Она сунула фонарик в
карман. — Ну, не такие. Похожие.

— А можно посмотреть?

— Тут всё на винтах, а у меня нет отвёртки. — Женя по-
смотрела на решётку. — И потом, если я её сниму, мне ска-
жут, что я её сломала.

— Скажут, — согласилась Аня.

— Вот. — Женя пошла к своей комнате и на ходу сказала:
— Если что-нибудь ещё защёлкает, скажи, я послушаю.

В коридоре стало тише. Вера вылила воду, вытерла таз о
полотенце и ушла, унеся его на плече. Наташа считала уже
до сорока, и счёт шёл ровно, как метроном.

Лиза всё ещё стояла у окна. Аня подошла и встала рядом,
не зная, что сказать.

— Тут с той стороны фонарь, — сказала Лиза. — Если
считать до ста, он мигает.

— Проверяла?

— Два раза.

— И сколько?

— Не досчитала. — Лиза отошла от окна. — Кто-то выключает.

Она пошла к себе, ступая по краю коридора, где цемент не скрипел.

Вечером в столовой Арина искала Гущина. Она стояла у раздатки с листом и говорила громко, чтобы слышно было всем:

— Гущин. У тебя обход, с шести до восьми. Ты не был.

Гущин сидел за столом и резал хлеб.

— Был я.

— Где был?

— В котельной.

— В котельной никого не было. — Арина смотрела в лист.

— Дверь заперта, и подписи за шесть нет.

— Значит, мы разминулись. — Гущин положил нож. — Я заходил, посмотрел и вышел. Мне что, отметить надо было?

— Надо было быть.

Аня сидела через два места от него и видела всё: как он сидел здесь с шести, как играл с Наташей в дурака на щелбаны, как дважды ходил за чаем. Она помнила даже, что в первый раз он налил себе не до края, а во второй — до края, и обжёгся.

Она не сказала ничего.

Ксю, которая сидела рядом, наклонилась к ней.

— Ты чего?

— Ничего.

— У тебя лицо.

— Правда ничего.

Ксю посмотрела на Гущина, потом на неё, но спрашивать не стала.

Перед отбоем Аня сидела на койке с блокнотом. Кристина спала, отвернувшись к стене, и её номерок лежал под подушкой.

Аня открыла чистую страницу и написала:

«Ветрова. Полотенце на третьем крючке. Таз с тёплой водой. След меньше моего».

Подумала и добавила:

«Гущин был в столовой с шести до восьми».

Она посмотрела на эти две строчки. Они стояли рядом, не связанные ничем, и от этого было хуже, чем если бы связи не было вовсе.

В соседней комнате половицы скрипели размеренно, туда и обратно.

Ночью шаги пришли опять. Они шли от лестницы, ровные и неспешные, и у двери замедлились, и Аня лежала, глядя в потолок и считая: раз, два, три, четыре.

Она не встала. Вчера она встала и увидела таз, полотенце и след, и от этого стало только хуже: теперь она знала, что кто-то ходит, и не знала, что с этим делать.

Шаги ушли к душевым и стихли. Потом в конце крыла щёлкнула дверь, тихо, как придерживают рукой.

Аня повернулась на бок и натянула одеяло до уха.

Утром она проснулась оттого, что Кристина открывала окно. Оно теперь закрывалось плотно, и Кристине пришлось нажать на раму ладонью, а потом ещё раз, сильнее.

— Вот, — сказала она. — Работает.

За окном был двор, серый от росы, и дым над котельной, ровный, как черта.

Глава 3

Свет включили в семь, но в переходе между корпусами было холодно, и изо рта шёл пар. Аня шла по цементу, не касаясь рукой перил: железо жгло ладонь. В столовой дверь была открыта, оттуда тянуло тёплым и жареным.

У плиты стояла Ксю с бумажкой и считала по ней, шевеля губами.

— Тринадцать, — сказала она. — Вчера четырнадцать было.

— Чего тринадцать? — спросила Аня.

— Бочек. — Ксю не подняла головы. — Полных.

— А кто считает, сколько их должно быть?

— Я. — Она сложила бумажку вдвое. — А кто привозит, не знаю.

Аня посмотрела в угол, где стояли бочки: три из них были пустые, с открытыми крышками.

— Днём посмотрю ещё раз, — сказала Ксю. — Только в комнатах всё равно как на улице.

Аня взяла тарелку. Каша была горячая, и она держала тарелку двумя руками, пока не дошли до стола. За окном двор стоял серый, трава лежала, прибитая дождём, и над котельной дым шёл низко, стелился по стене.

— Сколько на улице? — спросила она.

— Восемь, — сказала Ксю. — Утром шесть было.

— А в комнате?

— А в комнате не знаю. Хочешь, померь, только градусника у меня нет.

Гущин вошёл в столовую в шапке и в куртке, с воротником, поднятым до ушей, и встал у плиты, грея руки.

— Так, — сказал он. — До вечера сидим тут.

— Столовая не для сидения, — сказала Арина, не поднимая головы от папки.

— А она сейчас для чего?

Он обвёл рукой пустой зал: столы, раздатку, два окна, за которыми ничего не двигалось. Арина подняла голову и посмотрела на него, потом на Ксю, потом опять в папку.

— Для еды, — сказала она.

— Ну вот мы и будем есть. — Гущин сел верхом на стул.
— Весь день.

Он подождал, пока все доедят, и объявил, что вечером будет турнир. Наташа спросила, какой. Гущин сказал: по дураку, на вылет, с призом.

— Какой приз? — спросила Вера.

— Сахар.

— У нас сахар общий.

— Был общий, — сказал Гущин. — Теперь призовой.

Ксю посмотрела на него, но спорить не стала, только переписала что-то в тетради.

Весь день в комнатах было холодно, а в столовой тепло, и после обеда народ потянулся туда сам. К пяти за столами

сидели почти все. У стены, на приставном стуле, сидела девушка в сером свитере; Гущин позвал её за стол, она покачала головой, и он не стал настаивать: «Ну, смотри». Кто-то принёс из комнаты одеяло и сидел в нём, как в пальто. Женя притащила две колонки и поставила на подоконник, но они не работали без розетки, и она сунула их обратно в рюкзак.

В шесть включили свет, и Гущин выложил на стол колоду.

— Взнос — щелбан, — сказал он. — Проиграл, получил, вышел. Кто до конца дойдёт, тот сахар.

— Щелбаны отменяются, — сказала Наташа.

— Почему?

— Потому что ты бьёшь как ворота открываешь.

— Я аккуратно.

— Ты неаккуратно.

Со стороны раздатки сказала Ксю:

— Сахар два куска в день на человека. Кто выиграл, тот берёт свои два и ещё два.

— Скучная ты, — сказал Гущин. — Слушай, Мороз, ну что тебе стоит, а?

— Два и ещё два. Всё.

Первый круг сел за стол: Гущин, Наташа, Кристина и Осипов. Осипов вытащил из кармана колпачок от ручки и положил рядом с колодой, как будто так было нужно. Женя подтащила табурет и стала комментировать вслух, будто вела репортаж: «И Гущин снова ходит с шестёрки, это ошибка, это классическая ошибка» — и все смеялись не столько над иг-

рой, сколько над ней.

Кристина проиграла первой и получила щелбан от Гущина, короткий, в плечо, потому что по-настоящему он бить не стал.

— Всё, я в жури, — сказала она и пересела к Жене.

Аня сидела у стены и смотрела. Ей было не смешно до тех пор, пока Осипов, у которого остались три карты, не заявился с одной и не выложил её на стол с таким лицом, будто предъявил приказ. Гущин перевернул карту, посмотрел, засмеялся и стукнул ладонью по столу. Смех у него был громкий и короткий, и весь зал на него повернулся.

За соседним столом сидел Соболев. Он не играл и не смотрел на карты: перед ним лежала тетрадь в клетку, и он вёл по ней пальцем, строчка за строчкой.

Аня подсела сбоку.

— Что ты считаешь?

— Ничего. — Он не поднял головы. — Людей.

— Сколько нас?

— Пятнадцать. — Соболев поставил точку. — Это нечётное число, и в этом всё дело.

— В чём дело?

Он наконец посмотрел на неё, и было видно, что он давно ждал, кому это сказать.

— Каждый второй по списку. Если выбывает один, следующий считается от начала. Значит, при нечётном составе каждый раз вылетает тот, кто стоит на чётном месте. — Он

повёл пальцем по столбику. — Один, два, три. Второй, четвёртый, шестой. Всегда одни и те же позиции.

— И кто на них?

— Я, — сказал Соболев. — Восьмой. И Кузнецова, и Хвостова.

Аня посмотрела в тетрадь. Там были выписаны фамилии, и против трёх стояли галочки.

— А если обвинят кого-то одного?

— Тогда считается по-другому. — Он закрыл тетрадь. — Тогда решают голоса, а голоса — это не математика.

— А ты бы хотел, чтобы была математика?

Соболев помолчал.

— Я бы хотел, чтобы был ответ. — Он убрал тетрадь на колени. — В Москве я тоже так думал: есть задача, есть решение, кто решил быстрее, тот и прав. Там это не сработало.

— Почему?

— Потому что там никто не считал по-честному. — Он усмехнулся. — Тут, по крайней мере, правила написаны.

— Написаны, — согласилась Аня.

— И подписаны, — сказал Соболев. — Это хуже всего.

Гущин обернулся от стола:

— Соболев! Иди, у нас не хватает.

— Я не умею.

— Тут никто не умеет.

— Я не в этом смысле.

Гущин махнул рукой и повернулся обратно.

Соболев сидел ещё немного, потом сказал, ни к кому не обращаясь:

— Я могу посчитать, сколько нас останется к февралю. Уже посчитал. — Он поднял глаза на Аню. — Только это никому не нужно.

Она вернулась к столу, и Гушин, увидев её, помахал картой.

Аня засмеялась вместе со всеми и услышала свой смех. В этот раз он попал в такт.

— Соловьёва, — сказал Гушин. — Садись.

— Я не умею.

— Тут все не умеют. Садись.

Она села. Он раздал быстро, и она поняла, что карты у неё плохие, ещё до того, как взяла их в руки. Проиграла она на третьем ходу и подставила лоб.

— Держи, — сказал Гушин и щёлкнул не ей, а по своей ладони.

— Не считается.

— Считается. С тебя сахар.

Она отдала ему два куска, и он тут же отдал их Вере, которая сидела рядом и ничего не выиграла.

— Мне не надо, — сказала Вера.

— Надо, — сказал Гушин. — У меня сегодня всё равно удачный день.

К половине восьмого за столом остались он и Свиридов. Свиридов до этого не играл, сидел в стороне у трубы, и Аня

не видела, чтобы он хоть раз повернул голову. Его позвали, он подошёл и сел, не сняв куртки.

Играл он молча и медленно, но к концу круга у него на руках было всё, что нужно. Гущин начал шутить, раздавать советы и заглядывать ему в карты.

— Ты чего как на допросе? — спросил он. — Скажи что-нибудь.

Свиридов посмотрел на него, положил карту и сказал:

— Ходи.

Гущин ходил. Через два хода он проиграл, и весь зал смотрел, как он подставляет лоб.

— Только не в глаз, — сказал он.

— В лоб, — сказал Свиридов, и щелбан у него вышел громкий.

Гущин откинулся на стуле, потёр лоб и засмеялся первым, и все засмеялись за ним. Свиридов отдал сахар Вере, ничего не сказал и вернулся на своё место у трубы.

Аня посмотрела на часы над раздаткой. До отбоя оставалось три часа, и это были первые три часа за неделю, которые не тянулись.

— С крыши видно дорогу, — сказала Зоя.

Она сидела на подоконнике рядом, и Аня не заметила, когда та подошла.

— И что?

— И город. И куда идёт забор. — Зоя кивнула на потолок. — Только туда люк заперт снаружи.

Аня подумала про решётку на лестнице, про фанерку с цифрой и про то, как глухо звучит железо, если стукнуть по нему костяшкой.

— Заперт снаружи?

— Снаружи. Кто-то закрыл и убрал лестницу. — Зоя посмотрела на репродуктор над раздаткой. — У него спроси.

Аня достала блокнот из заднего кармана, положила на колено и записала: «Крыша. Люк. Спросить у голоса».

Зоя посмотрела на страницу, потом на неё, но ничего не сказала.

Аня вышла в коридор и встала под репродуктором. Он висел высоко, над дверью в столовую, и его решётка была затянута пылью.

— Люк на крышу. Он правда заперт?

Репродуктор щёлкнул.

— Заперт. Снаружи. Замок накладной, дужка ржавая, но целая.

— А кто его запер?

— Я.

Аня помолчала. В коридоре было холодно, и из столовой доносился смех.

— Мне надо наверх.

— Зачем?

Она не стала говорить про мать. Сказала коротко:

— Посмотреть, где мы.

— Отсюда видно.

— Мне надо самой.

Пауза.

— Ключ от люка, от котельной и от щитка один. Я его не даю никому.

— Почему?

— Потому что вы не одни. Открою вам, и завтра наверху будут все. И кто-нибудь упадёт.

— Я никому не скажу.

— Скажете, Анечка. — Голос сказал это мягко, и от мягкости стало хуже. — Вы сейчас за себя просите. Через неделю придёте просить за кого-то ещё.

Аня достала номерок и повертела его в пальцах. Одиннадцать. Телефон лежал в ящике на вахте, и до февраля до него было не добраться.

— Мне надо позвонить матери, — сказала она. — Это всё. Я не буду ничего ломать.

— Позвонить нельзя.

— Я знаю. — Аня убрала номерок в карман. — Мне надо, чтобы она знала, что я тут.

Пауза была длинная.

— Хорошо, — сказал голос. — Я подумаю.

— Когда?

— Когда будет нужно. — В решётке щёлкнуло. — Идите, Соловьёва. У вас дежурство в среду.

Аня постояла ещё, глядя на пыль в решётке, и вернулась в зал. В столовой играли во второй круг, кто-то спорил из-за

карты, Гушин хохотал, и его слышно было через весь зал.

В зале что-то щёлкнуло.

Телевизор на тумбе у сцены включился сам, и по экрану пошла полоса. Тишина встала сразу, как будто кто-то выключил звук: карты легли на стол, Гушин перестал стучать пальцами.

— Не вставайте, — сказал голос.

Он был тот же, что в коридоре, только в зале звучал ближе и суше.

— Десять дней. Я вас слушаю.

В зале молчали.

— У кого-нибудь что-нибудь случилось? — спросил голос мягко. — Может быть, кто-то заболел? Кто-то нарушил график? Кто-то не спал ночью?

Аня посмотрела на Свиридова. Он сидел у трубы, руки в карманах, и смотрел на экран ровно, не отводя глаз.

— Нет, — сказала Арина. — Всё по графику.

— Я знаю, что по графику. Я вижу график.

Полоса на экране пошла медленнее.

— Сколько дней вы здесь? Десять. За десять дней не произошло ничего. Ни одного дела.

Слово «дело» голос сказал так, как говорят «заседание».

— А должно? — спросил Гушин.

— Должно, Максимка. — Пауза. — Смена не стоит на месте.

— Мы не убиваем друг друга, — сказал он. — Извините.

— Правила не про убийство, — сказал голос очень медленно и очень вежливо. — Правила про то, что будет после. Это разные вещи.

— У вас, я вижу, весело. Это хорошо. Веселье полезно.

— А почему мы не учимся? — спросил Соболев.

Он сидел в конце стола, и очки у него блестели от лампы.

— Простите?

— Мы приехали учиться, — сказал Соболев. Он снял очки и стал протирать их водолазкой. — Где предметы? Где пары? Мы десять дней в карты играем.

В зале стало очень тихо, и Аня услышала, как в трубе за стеной идёт вода.

— Учебная жизнь идёт, — сказал голос. — С первого числа. Предмет один, зачёт один. — Полоса дёрнулась. — Вас пятнадцать. Останется пятеро. Кто останется, тот сдал.

— Это не зачёт, — сказал Осипов. — Это выживание.

— Ну да. — Пауза. — А вы думали, диплом за что дают? Соболев надел очки.

— А кто принимает?

— Вы. — Полоса пошла по кругу. — Голосованием. Как на защите.

— Это не учёба, — сказал Соболев.

— Нет, — согласился голос. — Это смена.

— В прошлый раз в этом зале сидели шестнадцать. Я не буду говорить, сколько вышло. — Экран мигнул. — До февраля доживают не все. Это не угроза, это расписание.

Телевизор выключился сам, и в зале стало слышно, как гудит лампа над сценой.

Гущин первый засмеялся, коротко и не в голос.

— Ну, — сказал он. — Сказал.

Никто не подхватил.

Первым делом кто-то собрал карты, аккуратно, в колоду, и убрал в коробку. Сахар остался лежать на столе, два куса, никому не нужные.

— Он сказал «дело», — проговорила Кристина. — Как будто у нас тут отдел.

— Он сказал «десять дней», — сказал Осипов. — Я считал. Десять.

— И что?

— Ничего. Просто он считает тоже.

Он вынул из кармана колпачок от ручки, посмотрел на него и убрал обратно.

Соболев сидел, положив локти на стол, и смотрел в столешницу, как в лист.

— Пятеро из пятнадцати, — сказал он. — Значит, десять.

— Чего десять? — спросила Наташа.

— Десять человек. — Он поднял голову. — Если смена закроется, когда останется пятеро, то до февраля должно уйти десять. Иначе она не закроется.

— И что тогда?

— Тогда мы досидим до конца февраля и выйдем. — Он помолчал. — Или не выйдем.

— Ты не знаешь.

— Я не знаю, — согласился Соболев. — Я вообще не знаю, что тут считать.

Вера сидела, сложив руки на коленях, и смотрела на свои пальцы.

— Не надо так, — сказала она.

— Как?

— Как будто мы уже посчитаны.

Гущин встал, прошёлся до раздатки и обратно, постучал пальцами по столу.

— Ладно, — сказал он. — Ну, сказал он. Ну, напугал. Это его работа, пугать. Он же здесь за главного.

— Он не пугал, — сказала Лиза.

Она сказала это тихо, из угла, и все повернулись. Лиза сидела, поджав ноги на стуле, в куртке, и держала кружку обеими руками.

— А что он делал? — спросил Гущин.

— Считал.

В зале стало тихо.

— Я ночью слышала шаги, — сказала она ещё тише. — В коридоре. Вчера и позавчера.

Аня почувствовала, как у неё холодеет затылок. Она знала про шаги больше всех и молчала об этом уже неделю.

— У нас все ходят ночью, — сказала Наташа. — В туалет.

— Это не в туалет, — сказала Лиза. — Это туда и обратно.

— Кто? — спросил Осипов.

Никто не ответил. Аня смотрела в стол и чувствовала, что если сейчас поднимет глаза, то встретится с кем-нибудь взглядом, и этот кто-нибудь решит, что она знает.

Краем глаза она видела Свиридова. Он сидел у трубы и не двигался.

— Так, — сказала Кристина. — Давайте не начинать. Кто-то ходит, кто-то храпит, кто-то в трубе стучит. Мы тут неделю живём, тут всё стучит.

— Вот именно, — сказал Гушин. — Крыша едет у всех. У меня вон тоже: я вчера в темноте на стул налетел.

Кто-то засмеялся, один, и смех вышел короткий, будто кашлянул.

Аня положила руки на стол.

— Никто никого не убьёт, — сказала она.

Она не собиралась говорить это вслух. Слова вышли сами, негромко, но в тишине их слышали.

Гушин обернулся.

— Чего?

— Никто никого не убьёт, — повторила Аня, и голос у неё не сел. — Мы доживём до февраля. Все.

— Все, — сказал Гушин. — Все пятнадцать?

— Все.

Он посмотрел на неё, и в лице у него что-то поменялось, будто он прикидывал, шутит она или нет. Потом он сказал:

— Ну да. Конечно.

И отвернулся.

Никто её не поддержал. Кристина смотрела в окно. Вера на свои пальцы. Осипов крутил колпачок. Аня сидела и думала, что лучше бы она этого не говорила, и в то же время знала, что скажет ещё раз, если придётся.

В коридоре за дверью кто-то прошёл, и все обернулись на звук.

Это была Арина. Она вошла с папкой, остановилась у раздатки и посмотрела на зал.

— Я хочу сказать, — сказала она.

— Скажи, — сказал Гушин.

Арина раскрыла папку, посмотрела в неё, потом закрыла.

— Я без бумажки, — сказала она. — Так, значит. — Она откашлялась. — Мы все приехали сюда не просто так. У каждого была причина, и каждый её знает. И мы не для того сюда ехали, чтобы через десять дней начать друг друга подозревать.

Она говорила громко и правильно, как на линейке, и в конце каждой фразы делала паузу, будто ждала, что кто-то хлопнет.

— У нас есть график, — сказала она. — У нас есть порядок. Пока есть порядок, мы справимся. Я всех прошу: если что-то видите, говорите мне. Я запишу, я решу. Не надо молчать и не надо решать самим. — Она посмотрела по рядам. — Давайте по-честному. Кто со мной?

В зале молчали.

— Я, — сказала Вера.

— Хорошо. — Арина кивнула. — Вера. Кто ещё?

Гущин поднял руку и опустил.

— Да все, — сказал он. — Все с тобой.

— Тогда почему молчите?

— Потому что ты как будто речь на выпускной читаешь,

— сказал он. — Мы тут не на выпускном.

Кто-то прыснул. Арина посмотрела в папку, потом на него.

— Ладно, — сказала она. — Ладно. Я его не для себя читала.

Она закрыла папку и вышла. Дверь за ней стукнула громче, чем нужно.

— Ну вот, — сказала Кристина. — Теперь ещё и она.

Аня встала и пошла за Ариной. В коридоре было темно, горел только красный глазок у лестницы, и Арина стояла у стены, держа папку обеими руками, будто её можно было положить куда-то ещё.

— Я не то говорю, — сказала она, не оборачиваясь. — Вот и всё, Соловьёва. Я всю жизнь знала, что сказать. В школе, на линейке, где хочешь. А тут встала и как будто язык отрезало.

— Ты нормально сказала.

— Не нормально. — Она повернулась. — Ты слышала, как он меня. «На выпускной». — Она выдохнула. — Приходи утром, я график перепишу. Я всегда так делаю, когда не выходит.

Она ушла в темноту, и её шаги долго были слышны, пото-

му что она не старалась идти тише.

Свет погас в одиннадцать. В комнате было холодно, и Аня легла в толстовке, натянув одеяло до подбородка. Кристина дышала ровно, Ксю лежала на краю, как всегда, лицом к стене.

Шаги она слышала, когда не спала уже давно. Они шли от лестницы, ровные, и у двери не замедлились. Прошли мимо.

Аня лежала и считала. Четыре. Пять. Шесть. Потом шаги стихли, и через минуту в конце коридора хлопнула дверь, тихо, но в пустом крыле слышно.

Она встала, подошла к окну и прижалась лбом к стеклу.

Во дворе горел фонарь, и под ним лежало пятно света с мокрой травой. Сначала она никого не увидела. Потом из-за угла корпуса вышел человек в чёрном и пошёл к котельной, вдоль стены, не по дорожке.

Он шёл тяжело, чуть вперёд, как будто против ветра, и Аня узнала его по этой походке раньше, чем по одежде. Свиридов.

Он дошёл до двери котельной, постоял, посмотрел куда-то в сторону ворот и вернулся. В руках у него ничего не было.

Аня смотрела, как он идёт обратно, и не понимала, что он сделал: не открыл дверь, не постучал, просто постоял и пошёл. У стены он наклонился, поправил что-то у земли и выпрямился.

Потом он ушёл за угол, и дверь корпуса хлопнула второй раз.

Аня легла. Сердце у неё стучало так, что она слышала его в ушах. Рядом заворочалась Кристина, вздохнула и опять затихла.

Она пролежала до утра, глядя в потолок, и всё думала про то, что человек, который выходит ночью из корпуса, по правилам отчисляется без суда.

Утром свет включили в семь, и в столовой пахло кашей. Свиридов сидел у окна, перед ним стояла тарелка, и он ел медленно, глядя в неё.

Аня налила чаю и села напротив.

— Ты ночью выходил.

Он поднял глаза.

— Спал.

— Я видела. — Она держала кружку двумя руками, чтобы не дрожали. — Из окна. Ты был у котельной.

Свиридов положил ложку.

— Ночью темно, — сказал он. — Мало ли кто ходит.

— Я тебя узнала.

— Ну. — Он пододвинул тарелку. — Узнала и узнала. Я спал.

Он сказал это тихо, без злобы, и от этого стало хуже.

Он встал и ушёл, забрав кружку с собой, чтобы не оставлять на столе.

Аня сидела и смотрела на его тарелку. Каша в ней ещё не остыла.

Кристина подошла и села рядом, с чаем и с номерком в

руке.

— Ты чего?

— Ничего.

— Ты с ним ругалась?

— Нет.

Кристина посмотрела на неё, потом на дверь, в которую вышел Свиридов.

— Он странный, — сказала она. — Я его один раз спросила, откуда он. Он сказал: «Оттуда». И всё.

Аня ничего не ответила.

К девяти в столовой опять собрались почти все, хотя дел ни у кого не было. Кто-то принёс настольную лампу из комнаты и включил в розетку у раздатки, и она горела, пока шёл свет.

Гущин сидел на столе, свесив ноги, и жевал сухарь.

— Слушайте, — сказал он. — Мне вот что интересно. Свирия где?

— В комнате, — сказала Вера.

— Он всегда в комнате. — Гущин посмотрел на зал. — Он с нами не ест. Он в карты не играет. Он ночью не спит.

— Он играл вчера, — сказала Аня.

— Играл, — согласился Гущин. — Выиграл. И ушёл.

Женя отложила колоду.

— Так, — сказала она. — У нас первый подозреваемый. Это как в любом детективе, я такое видела.

— Никто его не подозревает, — сказала Вера.

— А чего вы тогда все молчите? — Гушин обвёл рукой зал. — Все же думают. Я вон думаю. Она думает. — Он показал на Кристину. — Ты думаешь?

— Я думаю, что он мне ничего не сделал.

— Вот. А я думаю, что он ночью ходит.

Соболев поднял голову от тетради.

— Это не доказательство.

— Я и не говорю, что доказательство. Я говорю, что он ходит.

— И что? — спросила Наташа. — Я тоже хожу. В туалет.

— Ты в туалет и обратно.

Аня смотрела в свою чашку. Она знала, что он не просто ходит. Она видела его во дворе, у котельной, в час ночи. И если она это скажет, то по правилам его отчислят без суда, и никто не будет разбираться, зачем он туда ходил.

— Соловьёва, — сказал Гушин. — Ты вчера с ним разговаривала.

Она подняла глаза.

— Разговаривала.

— О чём?

— О каше.

Кто-то засмеялся. Гушин посмотрел на неё внимательно, но не стал настаивать.

— Ладно, — сказал он. — Я не обвиняю. Я просто говорю, что если кто-то ночью ходит, то пусть скажет, куда.

Он сказал это громко, чтобы слышно было в коридоре, и

Аня поняла, что он говорит для всех, кто сейчас за дверью.

Вера встала.

— Перестаньте, — сказала она. — Он такой же, как мы. Мы все здесь первый раз и все боимся.

— Я не боюсь, — сказала Наташа.

— Боишься.

Наташа посмотрела на неё и ничего не ответила.

Кристина отставила чашку и вышла. За ней поднялась Лиза, потом Женя. Через минуту за столом остались Гушин, Соболев и Аня.

— Ну вот, — сказал Гушин. — Теперь я виноват.

— Ты не виноват, — сказал Соболев. — Ты сказал вслух то, что все думают. Это не одно и то же, но почти.

Аня встала и пошла к двери.

— Ты куда? — спросил Гушин.

— К себе.

После этого она пошла к лестнице. Решётка стояла на месте, замок висел, и наверху, за прутьями, слышались шаги: кто-то ходил по второму этажу, ровно, туда и обратно.

Аня взялась за железо и стукнула по прутьям костяшкой.

Шаги остановились. В коридоре щёлкнул репродуктор у лестницы.

— Соловьёва.

— Я стучала, — сказала Аня. — Вы говорили, что подумаете.

Пауза.

— Подумал, — сказал голос. — Нельзя.

— Почему?

— Потому что вы не одна. — В решётке щёлкнуло. —

Идите спать.

Аня посмотрела на замок. Дужка блестела от смазки, а на прутьях у самой скважины краска стёрлась до металла: решётку открывали и закрывали много раз.

Наверху опять пошли шаги, и дверь закрылась.

Аня ещё постояла, держась за холодное железо.

Она достала блокнот и записала: «Свиридов. Ночью был у котельной. Сказал: спал».

Ниже, отдельной строкой: «Крыша. Сказали: подумают».

Она посмотрела на эти две записи и поняла, что ни одна из них ей не нравится.

К вечеру стало холоднее. В столовой собрались почти все, кто-то принёс второе одеяло и укрыл им ноги. Ксю выдала по одной свече на комнату и сказала, что больше не даст.

В двадцать сорок свет мигнул и погас. Не в одиннадцать, как всегда, а раньше.

В темноте кто-то сказал:

— Это чего?

— Генератор, — сказала Ксю.

Никто не встал. В темноте было слышно, как кто-то считает до десяти, потом до двадцати.

Свет включили через полчаса сам, и все за это время сидели в темноте и молчали. Аня держала свечу, и воск капал

ей на пальцы.

Кристина сидела рядом, укрытая одеялом до носа.

— Я домой хочу, — сказала она тихо.

— Я тоже.

Аня посмотрела на неё. В свете свечи лицо у Кристины было без косметики и от этого младше.

— Всё будет нормально, — сказала Аня.

— Ты это всем говоришь.

— Я это говорю, потому что верю.

Кристина ничего не ответила, только плотнее натянула одеяло.

Ночью Аня опять не спала. Шаги пришли позже обычно, в половине второго, и на этот раз шли не к душевым. Они прошли мимо двери, стихли, потом вернулись, и она услышала, как в конце коридора открылась и закрылась дверь.

Она села на койке. В коридоре было темно, только красный глазок у лестницы.

Аня вышла босиком, держа фонарь в руке, но не включая его. Цемент был холодный. У входной двери она всё-таки нажала кнопку и посветила вниз.

На полу были следы. Мокрые, от ботинок, с рисунком протектора, и они шли от двери к лестнице, потом обратно. Земля на них ещё блестела.

Аня присела и потрогала пальцем. Холодная, мокрая, с песком.

Она выпрямилась и посветила вдоль коридора. Следы

кончались у лестницы, там, где начиналось крыло, и дальше было сухо.

Она вернулась в комнату, легла и до утра слушала, как в трубах идёт вода.

Утром она пришла в столовую первой и села у окна. На улице было серо, трава лежала мокрая, и по ней шли следы, от угла корпуса к котельной.

Ксю пришла за чаем, и Аня спросила:

— Ты ночью из корпуса не выходила?

Ксю посмотрела на неё поверх кружки.

— Нет.

— А дверь у нас запирается?

— Снаружи заперта, изнутри нет. Замок накладной, изнутри крутилка. — Она налила чаю. — А что?

Аня показала на пол в коридоре.

Ксю поставила кружку и пошла с ней. Присела, посмотрела на след, потрогала землю.

— Свежий, — сказала она. — Ночью ходили.

— Кто?

— Я не знаю. — Она выпрямилась. — Только это не мои. У меня ботинки на гладкой подошве.

Она ушла, а Аня ещё постояла у двери. Из столовой шли голоса, кто-то смеялся, и этот смех был слышен даже здесь, в холодном коридоре.

Аня достала блокнот и записала: «Ночью выходили. След от ботинок, 44—45. Земля».

Потом закрыла блокнот, положила в карман и пошла в столовую.

До февраля оставалось сто сорок четыре дня.

Глава 4

Лист Арина повесила в столовой между окнами, на четыре куска скотча, и сверху приписала печатными буквами: «КТО ЧТО УМЕЕТ». Внизу был график на неделю, расчерченный по линейке, и в клетках стояли фамилии.

К девяти у листа стояли пятеро.

— Так, — сказала Арина. — Читаем и говорим, если что не так. Повар — Ксю. Вода и крупа — тоже Ксю. Стирка — по очереди, я написала кто. Обход — Зоя и Свиридов.

— Почему Свиридов? — спросил Гущин.

— Потому что он не спит, — сказала Арина, не оборачиваясь.

Кто-то засмеялся. Свиридов стоял в стороне, у трубы, и не сказал ничего.

— А я? — спросил Гущин.

— Ты в стирке.

— Я в стирке? — Он подошёл к листу и ткнул пальцем. — Арина, я тебе кто, прачка?

— Ты сильный. — Она отчеркнула клетку. — В бак налить, тазы поднять, воду из котельной принести. Всё руками, всё твоё.

— Так и напиши: силач. — Гущин обернулся к залу. — Пиши: Гущин — силач. Кто не согласен, выходит.

— Я пишу то, что нужно делать, — сказала Арина.

— А я тебе говорю, что мне надо в обход.

— Почему тебе?

— Потому что я ночью не сплю.

— Все не спят, — сказала Наташа.

— Ты спишь. Ты храпишь.

— Я не храплю.

— Ты храпишь, — сказал Гуцин. — Я через стену слышу.

— У тебя стена за две комнаты.

— Вот и представь, как ты храпишь.

Ксю, которая раскладывала по столу ложки, сказала, не поднимая головы:

— Если ты такой слышащий, иди в обход. Только тогда воду носишь вечером, а не утром.

— Носишь, — согласился Гуцин.

— И в стирке за тебя кто?

— Соловьёва.

Аня подняла голову.

— Я?

— Ты. — Он даже не посмотрел на неё. — Ты же всё равно там стоишь.

Аня хотела сказать, что она не стоит, а стирает, и что у неё две футболки и толстовка, и что она вчера полоскала до обеда. Сказала:

— Я не умею обход.

Арина посмотрела на неё.

— Чего не умеешь?

— Что там делать.

— Ходить и смотреть. — Арина повернулась к листу. — Двери, вода, щиток. Если дверь открыта, закрыть. Если вода идёт, сказать Ксю. Если в щитке щёлкает, сказать мне.

— А если щёлкает не в щитке?

— Тогда сказать мне, — повторила Арина, и в зале опять засмеялись, коротко и не все.

Аня стояла и смотрела на лист. В клетке «обход» стояло «Зоя, Свиридов», и клетка была маленькая, тесная, на две фамилии.

— А меня запиши, — сказала она вдруг. — Тоже. Третьей.

Арина подняла карандаш.

— Зачем?

— Ну, — сказала Аня. — Я всё равно ночью не сплю.

Это была правда, но не вся. Вся была в том, что в списке на вахте против каждой фамилии стояла комната, а здесь, на листе, против каждой фамилии стояло дело. Впервые её имя могло где-то стоять рядом с делом, а не с комнатой.

Арина смотрела на неё секунд пять.

— Ладно, — сказала она. — Но если ты проспишь, я тебя больше никуда не поставлю.

— Не просплю.

— И ходить будешь с кем-то. Одна — нет.

— С Зоей, — сказала Аня.

Зоя сидела на подоконнике и смотрела на лист, как на пла-

нировку. Когда назвали её, она сказала:

— Второй обход в двенадцать. Первый в десять, последний в два.

— Три раза? — спросила Кристина.

— Три, — сказала Зоя. — В двенадцать меняется свет, в два глохнет генератор.

Арина посмотрела на неё, потом на карандаш, и вписала в клетку сбоку, мелко: «22:00, 00:00, 02:00».

— Хорошо, — сказала она. — Зоя главная.

— Главная, — согласилась Зоя, без всякого интереса.

Гущин потянулся и хлопнул ладонью по листу, так что скотч с одного угла отлепился.

— Ну что, — сказал он. — Кто в силачи, кто в обход, а кто в стирку. Как в армии.

— Как в общежитии, — сказала Ксю.

— Это одно и то же.

Он пошёл к раздатке, задел ведро, ведро звякнуло, и он извинился перед ним вслух: «Извини, брат». Зал засмеялся уже весь, и Аня засмеялась тоже, и краем глаза увидела, что Арина улыбается, но делает вид, что поправляет скотч.

До вечера она три раза подходила к листу, будто проверяла расписание, и три раза читала свою фамилию.

В третий раз к листу подошла Ветрова. Она стояла в сером свитере, руки перед собой, и читала сверху вниз, медленно, как читают то, что им не нужно.

— А меня нет, — сказала она.

Аня обернулась.

— Где?

— Тут. — Ветрова показала пальцем, не касаясь бумаги.

— Нигде нет.

В списке на листе и правда было четырнадцать фамилий. Аня пересчитала глазами: стирка — Гущин, Кристина, Лиза; вода и крупа — Ксю; обход — Зоя, Свиридов, она; столовая — Наташа, Вера; щиток и свет — Осипов; бумаги — Арина; «где нужны руки» — Соболев, Ситников, Женя.

— Тебя, наверное, забыли, — сказала Аня.

— Наверное.

Ветрова стояла ещё немного, потом отошла к своему стулу у стены и села, сложив руки на коленях.

Аня посмотрела на лист ещё раз и нашла свободный угол внизу, под графиком.

— Арина, — сказала она. — Тут Ветровой нет.

Арина подошла, посмотрела и взяла карандаш.

Арина подумала. — Ладно.

Она приписала внизу, отдельной строкой: «Ветрова — по требованию». И подчеркнула.

Ветрова сидела у стены и смотрела в сторону, будто её это не касалось.

Стирали в душевой, в крайней кабинке, где был слив и кран с холодной водой. Кран шёл туго, и его открывали газовым ключом, который Гущин носил в кармане куртки.

— Держи. — Он набрал ведро и поставил на пол. — Сле-

дующее через десять минут, вода не сразу идёт.

— Почему не сразу? — спросила Кристина.

— Потому что бак. — Он сел на лавку и вытянул ноги.

— Пока наберётся, пока дойдёт. Как в общежитии, только медленнее.

Кристина держала в руках свёрток и не разворачивала его.

— Ты чего? — спросил Гущин.

— Я не буду это с вашим мешать.

— Почему?

— Потому что. — Она прижала свёрток к груди. — У меня свитер светлый.

— Так стирай отдельно.

— В том и дело, что отдельно негде.

Ксю, которая раскладывала по лавке мыло, сказала, не оборачиваясь:

— В тазу можно. Только потом таз сполосни.

— И всё?

— И всё. — Ксю отрезала от куска мыла половину и положила рядом. — Мыло на двоих. Если кто-то берёт больше, я вижу по куску.

— Как ты видишь?

— По краю. — Ксю повернула мыло срезом к свету. — Если режут ровно, от моего. Если ножом отковыривают, от другого. У нас один нож, он у меня.

Гущин засмеялся.

— Мороз, ты бы в бухгалтерии работала.

— Я и работаю, — сказала Ксю. — Только тут.

Лиза уже стирала. Она стояла у слива по колено в пару, закатав рукава до локтя, и тёрла чужую футболку о ребро лавки. Руки у неё были красные, и на левом запястье белела полоска от резинки.

Аня села рядом и взяла свою толстовку.

— Дай я, — сказала Лиза.

— Что?

— Давай сюда. — Она уже протянула руку. — Ты трёшь как будто боишься.

Аня отдала. Лиза сложила толстовку вдвое, намылила ворот и стала тереть коротко, сильно, как будто делала это каждый день много лет.

— Ты дома стирала? — спросила Аня.

— Угу.

— Много?

Лиза посмотрела на неё, потом на свои руки.

— Двое младших, — сказала она. — Мать на работе. Ну, когда на работе.

Больше она ничего не сказала, и Аня не стала спрашивать.

В дверь кабинки постучали, и вошла Ветрова с ворохом серых полотенец.

— Я принесла, — сказала она. — По одному на человека. Двадцать штук на смену, если кто-то испортит, останется без.

— А кому? — спросил Гушин.

— По списку. — Ветрова положила стопку на лавку. — Я записываю.

Она стала выдавать. Гущин взял своё, не глядя, и бросил на плечо. Кристина выбрала то, что посветлее. Лиза взяла последнее из стопки, не выбирая. Аня взяла своё и посмотрела на бирку: на ней шариковой ручкой было написано «Соловьёва», и буквы расплылись от стирки.

— Моё уже стирали, — сказала она.

— Все стиранные, — сказала Ветрова. — Они не новые.

— Тут моя фамилия.

Ветрова посмотрела на бирку.

— Ну да, — сказала она. — Я подписала на прошлой неделе.

Аня взяла полотенце и отошла. У стопки на лавке осталось одно, лишнее, серое, с биркой на боку, и на бирке крупно, шариковой ручкой, было написано «Ветрова».

— А это чьё? — спросила она.

Ветрова обернулась.

— Моё.

— А почему оно здесь?

— Потому что моё тоже надо стирать. — Она взяла его и положила в таз. — Я в коридоре живу. Мне некуда класть.

В кабинке было жарко. Пар стоял до потолка, и на стене за лавкой осел конденсат. Гущин поднял второе ведро и понёс к крану.

— Слушайте, — сказал он. — А давайте так. Кто в стирке,

тот не в обход.

— Ты уже договорился с Ариной? — спросила Ксю.

— Я договарюсь.

— Тогда договорись и приходи. — Ксю вылила воду в слив. — А пока носи третье.

В коридоре хлопнула дверь, и по цементу протащили что-то тяжёлое.

Аня выкрутила толстовку, и с неё на пол потекла серая вода.

К шести в столовой пахло не кашей, а чем-то с луком. Ксю варила из того, что было: крупа, картошка, банка тушёнки, которую она достала из-под раздатки и держала в руках так, будто решала, резать её или ещё подождать.

— Режь, — сказала Наташа.

— Половину.

— Ксю.

— Половину, — сказала Ксю. — Вторая на воскресенье.

Она резала банку ножом, а потом выскребла её ложкой над кастрюлей, аккуратно, до самого дна, и отдала банку Осипову. Он посмотрел внутрь, посветил телефоном — нет, телефон был в ячейке на вахте, — посветил фонариком и вернулся.

— Чисто, — сказал он.

— Я знаю, что чисто.

— Я проверил.

— Я знаю, что ты проверил. — Ксю помешала. — Ты мне

не доверяешь или ей?

Осипов не ответил. Он сел на своё место и стал считать ложки: ему нравилось, когда их ровно пятнадцать.

Ложек было четырнадцать и одна с трещиной.

— А Ветрова? — спросила Аня.

Ксю подняла голову.

— Что Ветрова?

— Ей есть?

— Есть. — Ксю кивнула на стол у стены. — Там стоит.

На столе у стены стояла тарелка и в ней была та же каша, только налита раньше, и пар над ней уже не шёл.

Ветрова подошла последней, когда все сели. Она взяла тарелку, ложку, сказала «спасибо» и села к стене, боком, чтобы никому не загораживать проход.

Гущин подцепил ложкой картошку и сказал:

— Слушайте. У меня дома так не едят.

— Как? — спросила Вера.

— Из одной кастрюли. — Он показал ложкой. — У нас отец приходит в восемь, мать в это время уже на вокзале. Она оставляет в кастрюле, он ест и уходит в обход. Я один ем. Ну, то есть один за столом.

— У нас тоже, — сказала Ксю. — Только у нас пять.

— Пять?

— Четверо младших. — Она ела быстро, как будто это тоже было дело. — Мать на почте, отец на тракторе, весной и осенью его вообще нет. Я с десяти всё считаю: крупу, свет,

кому в школу сколько.

— И как? — спросил Гушин.

— Нормально. — Она пожала плечом. — Я им тетрадку оставила. Там расписание на месяц, что варить, когда стирать, у кого какие деньги. Старшая читает.

— Сколько ей?

— Тринадцать.

Гушин постучал пальцами по столу.

— У меня сестра в тринадцать только в телефон смотрела, — сказал он. — И то чужой.

— У всех по-разному, — сказала Ксю.

Кристина сидела, подперев голову рукой, и не ела.

— Ты чего? — спросила Аня.

— Ничего. — Кристина отодвинула тарелку. — Просто мать сейчас с работы идёт. Она в парикмахерской до восьми, потом моет полы, потому что клиентов нет. И она каждый день у двери смотрит, не пришло ли письмо.

— Какое письмо?

— От меня. — Кристина усмехнулась. — Я ей сказала, что напишу. Тут же нельзя звонить, а писать можно. Только я не знаю, куда кидать.

— На вахте есть ящик, — сказала Вера.

— Ящик есть. Адрес я не знаю.

— Адрес есть в правилах, — сказала Вера. — В первом пункте. Там написано: «Почта принимается на вахте, выдача раз в неделю».

Кристина посмотрела на неё.

— Ты правила выучила?

— Я их перечитала, — сказала Вера. — Я их два раза перечитала, если честно.

Гущин засмеялся, и на этот раз с ним засмеялись.

— Ну, Вера, — сказал он. — Ты у нас юрист.

— Я не юрист.

— Ты лучше.

Вера улыбнулась и опустила глаза в тарелку.

— А я бы в Москву поехала, — сказала Кристина. — Мне в апреле написали из одного места. Кастинг. Не в кино, в рекламу, там деньги нормальные. Мать сказала: «Куда ты, дура». — Она помолчала. — А я поехала бы.

— Почему не поехала? — спросила Аня.

— Потому что не сказала ей, что уже записалась. — Кристина вертела ложку. — Я записалась и не сказала. Думала, съезжу и покажу результат. А потом пришло это письмо.

— И ты обрадовалась?

— Я матери обрадовалась, — сказала Кристина. — Она впервые за год сказала при соседке, что я молодец.

В столовой стало тихо. Слышно было, как в трубе шуршит вода.

Аня посмотрела на свою тарелку и сказала, ни к кому не обращаясь:

— У меня брат. Ему двенадцать.

— Младший? — спросила Ксю.

— Младший. — Аня подвинула тарелку. — Он в этом году в пятый. Мать на работе, отчим тоже. Я его в садик водила, когда мне было одиннадцать, и меня отпускали с последнего урока, потому что он один не дойдёт.

— И что ты ему говорила, когда уезжала?

— Ничего, — сказала Аня. — Он на рыбалку ушёл.

Гущин хмыкнул.

— Мужик.

— Он не знает, что я уехала. — Аня посмотрела на него.

— Мать сказала, что скажет.

— Скажет, — согласился Гущин. — Матери всегда говорят.

Он встал, собрал тарелки, свои и соседские, и понёс к раздатке, и на ходу сказал:

— Ладно. Я в стирку, вы в обход. Кто не занят, тот в стирку. Всё, как в армии.

— Это не армия, — сказала Ксю.

— Это хуже, — сказал Гущин. — В армии хотя бы кормят.

В комнате в восемь было холодно, и Кристина сушила волосы полотенцем, стоя у окна.

— Ты их мыла? — спросила Аня.

— Голову. — Кристина тёрла сильно, и волосы торчали в стороны. — Если не мыть, они к утру как солома. У меня мать так говорит.

— У тебя и так нормальные.

— Нормальные, — согласилась Кристина. — Только тут

вода из бака, и она пахнет.

Ксю сидела на койке, поджав ноги, и разбирала фонарь: открыла головку, вытряхнула батарейки, протёрла контакты о свитер.

— Он у тебя работает? — спросила Аня.

— Работает. Просто плохо. — Ксю вставила батарейки обратно. — Если ночью свет погаснет, без него никак.

— А ты его откуда взяла?

— Привезла.

Аня не стала спрашивать зачем. Ксю сама сказала:

— У нас в селе, когда свет гасят, всё равно кто-то ходит. Мать с фонарём в сарай. Брат с фонарём в гараж. Я привыкла, что он должен быть.

Она щёлкнула, и фонарь загорелся, слабо, но ровно.

— Ты матери написала? — спросила Кристина.

— Что писать? — Ксю пожала плечом. — «Жива, кормят»? Она прочитает и будет думать, что я не хочу рассказывать.

— А ты не хочешь?

— Не хочу, — сказала Ксю. — Потому что рассказывать нечего. Я тут считаю крупу.

Кристина села на койку и стала расчёсывать волосы пальцами.

— Я тоже не напишу, — сказала она. — Я не знаю, что писать.

Аня достала блокнот, но не открыла его. В коридоре за

стеной что-то стукнуло, потом ещё раз, ровно, как стучат по полу ножкой.

— Это Ветрова, — сказала Ксю. — Она каждый вечер.

Аня вышла в коридор.

У батареи, за шкафом, стояла раскладушка. Ветрова сидела на ней в куртке и стелила одеяло: сначала подстелила, потом разгладила ладонью, потом положила сверху второе, тонкое.

— Тут дует, — сказала Аня.

Ветрова подняла голову.

— Из-под двери.

— Мне нормально. — Она подоткнула одеяло с одного края. — Рядом батарея, она горячая до двенадцати. Я к двенадцати уже сплю.

— А потом?

— Потом холодно. — Ветрова села ровно, руки на коленях. — Я встаю в шесть. Пока все спят, можно умыться и воды набрать, потом уже очередь.

Аня постояла. На раскладушке лежала сумка вместо подушки, а рядом стояли кроссовки, поставленные носками к стене, ровно.

— Почему тебя не в комнату? — спросила она.

— Коек пятнадцать, — сказала Ветрова. — Людей шестнадцать. Кому-то не хватило.

— Арина вписала тебя в лист.

— Вписала, — согласилась Ветрова. — «По требованию».

— Она улыбнулась, коротко и без обиды. — Это честно. Меня и правда нет в списке.

— Ты в списке.

— В том, что на вахте, — сказала Ветрова. — Там есть. В том, что на стене, — не было. Это разные списки, Анечка.

Она легла, накрылась до подбородка и отвернулась к батарее.

В коридоре у лестницы краснел глазок.

Перед обходом Аня зашла в столовую за фонарём и увидела, что там горит лампа и сидит Арина. Перед ней лежал новый лист, и на нём было написано: «НОЧЬ».

Гущин стоял у стола, спиной к двери, и говорил тихо, не так, как днём.

— Я не про Свиридова.

— А про что?

— Про то, что ты одна всё решаешь.

Арина положила карандаш.

— А кто ещё?

— Я, — сказал Гущин. — Я могу.

— Ты вчера на него смотрел.

— И что?

— И то. — Она подняла на него глаза. — Ты его ударишь.

Гущин помолчал.

— Не ударю.

— Ты ударишь, — сказала Арина. — Не сейчас, потом. Когда он тебе скажет «ходи» и не объяснит.

Гущин отошёл к окну, постоял, глядя в чёрное стекло.

— Ладно, — сказал он. — Тогда поставь меня в обход с ним. Не с тобой. С ним.

Арина подумала.

— Хорошо, — сказала она. — С ним.

— Спасибо, — сказал Гущин и вышел, не заметив Аню в дверях.

Арина осталась сидеть, глядя на лист. Потом взяла карандаш, перечеркнула клетку и написала заново.

В десять Аня натянула куртку поверх толстовки и вышла в коридор. Зоя уже стояла у двери, с фонарём в руке, и второй фонарь держала под мышкой.

— Держи. — Она отдала его Ане. — Свети вниз, не в лицо.

— Кому?

— Мне.

Пошли от входной двери. В коридоре горела одна лампа из трёх, у лестницы краснел глазок, и от этого коридор был не тёмный, а какой-то половинчатый.

— Первое, — сказала Зоя. — Дверь. — Она посветила на замок. — Накладной, изнутри крутилка. Днём она открыта, потому что все ходят курить за угол. Ночью должна быть закрыта.

— Она закрыта?

— Сейчас да.

Зоя толкнула дверь ладонью, та не поддалась, и в желез-

ной коробке что-то коротко звякнуло.

— Второе, вода. — Она повела фонарём по потолку. — Труба идёт над коридором, от котельной. Если в ней шум, значит, где-то открыли кран. Если тихо, значит, либо все спят, либо воду перекрыли.

Аня прислушалась. В трубе шуршало, ровно, как дождь за стеной.

— Шумит.

— Это нормально. Это бак набирается. — Зоя пошла дальше. — Ненормально, когда льёт и не перестаёт. Тогда бежишь в столовую, там раздатка и мойка, и всё оттуда.

— Ты откуда это знаешь?

— Смотрела.

Они дошли до щитка. Он был в нише, за фанерной дверцей, и оттуда пахло горячим. Зоя приоткрыла дверцу, осветила внутрь и ничего не сказала.

— Что там? — спросила Аня.

— Счётчик. — Зоя показала пальцем на диск. — Он крутится. Всё время, даже ночью.

— И что?

— Мы в брошенном здании. — Она закрыла дверцу. — Свет по часам, вода по часам, а счётчик крутится всегда. Значит, он не наш.

Аня достала блокнот, но писать было нечем — карандаш остался в комнате. Зоя посмотрела на неё и молча достала из кармана огрызок.

— Ты всегда его носишь?

— Восемь карманов, — сказала Зоя. — Что-нибудь да найдётся.

Пошли дальше. У душевых Зоя остановилась, посветила на пол и присела.

— Тут всегда мокро, — сказала она. — Это не значит, что кто-то мылся. Это слив.

— А как понять, что кто-то мылся?

— По горячей воде. — Зоя выпрямилась. — Если ночью в баке горячая, значит, кто-то открывал на полную. Бак на два часа.

Аня записала: «Бак. Горячая. Два часа». Потом посмотрела на свою запись и переписала её понятнее: «Если ночью горячая вода — кто-то был. Бак остывает за 2 ч».

— Кто тебе это всё рассказал? — спросила она.

— Никто. — Зоя шла впереди, луч фонаря скакал по стене. — Я в таких зданиях была. Здесь всё старое, но живое. Трубы живые, счётчик живой. Мёртвое здание так не выглядит.

— А как оно выглядит?

— Как всё в паутине и без воды.

Они вернулись к двери. Зоя проверила замок ещё раз, и Аня увидела, как она провела пальцем по прутьям решётки у лестницы.

— Тут открывали, — сказала Зоя.

— Как ты поняла?

— Краска стёрта, — сказала Зоя. — В одном месте, где рука берётся. Если бы просто так стояла, было бы ровно.

Аня посветила туда же. Действительно, на прутьях, у самой скважины, краска была стёрта до металла, узкой полоской.

— Я это видела, — сказала она. — Вчера.

— И молчала.

— Я... — Аня посмотрела на свои руки. — Я не знала, кому сказать.

— Арине сказала?

— Нет.

Зоя ничего не ответила. Она проверила дверь, повесила фонарь на локоть и пошла к комнате.

— В двенадцать я тебя разбужу, — сказала она на ходу.

— В два пойдёшь одна.

— Почему одна?

— Потому что в два меняются часы на щитке, и кто-то должен стоять рядом и смотреть, чтобы не вырубилось. — Она остановилась. — Это не страшно. Просто ходи и смотри.

В двенадцать они прошли всё то же самое, и всё было на месте. В два Зоя осталась у щитка, а Аня пошла по коридору одна.

Лампа у входа не горела. Красный глазок у лестницы светился, и от него на цементе лежало пятно размером с ладонь.

Она светила вниз и слышала собственные шаги. У душевых было тихо. У столовой дверь была прикрыта, и из-под

неё тянуло холодом.

Аня дошла до конца коридора и повернула обратно.

И в этот момент где-то за её спиной хлопнула дверь.

Не та, что у входа. Другая, глуше, в конце крыла.

Аня остановилась. Она стояла и слушала, как в трубе шуршит вода, и в этом шуршании ничего нельзя было разобрать. Потом по цементу пошли шаги, быстрые, тяжёлые, и она не успела посветить: шаги свернули за угол, и дверь хлопнула второй раз, уже тише.

Она подбежала к повороту и посветила. Коридор был пуст.

На полу перед дверью лежали комья земли. Мокрые, тёмные, с песком, и один след от ботинка, смазанный, будто человек поскользнулся.

Аня стояла над ним и считала, пока не досчитала до двадцати. Руки у неё дрожали, и фонарь в них ходил.

В коридоре у щитка щёлкнуло, и Зоя сказала из темноты: — Ну?

— Тут были, — сказала Аня.

Арину она нашла утром в столовой. Та сидела за первым столом, перед ней лежала папка, рядом — стакан с карандашами, и она переписывала график начисто, потому что на старом кто-то поставил чай.

— Арина.

— Сейчас. — Она дописала строку. — Говори.

Аня рассказала: два часа, дверь, шаги, земля на полу.

Арина слушала, не поднимая головы. Когда Аня закончила, она положила карандаш и посмотрела на неё.

— Ты его видела?

— Нет.

— Слышала?

— Слышала.

— Значит, — сказала Арина, — у нас есть шум и есть земля.

— И след.

— И след, — согласилась Арина. — Сорок четыре, сорок пять.

Она открыла папку, нашла чистый лист и вывела сверху: «НОЧЬ 28.09». Потом записала: «02:10. Шаги. Дверь в конце крыла. Земля, след 44—45».

— Что теперь? — спросила Аня.

— Теперь я подумаю.

— Пока ты думаешь, он выйдет ещё раз.

Арина подняла на неё глаза.

— А ты предлагаешь что?

Аня не знала. Она стояла и смотрела, как Арина ровняет лист по краю папки, и понимала, что если сейчас скажет «проверить у всех обувь», то получится то же, что с телефоном в восьмом классе: все снимут, все покажут, а потом будут смотреть на того, кто предложил.

— Можно посмотреть, у кого земля, — сказала она всё-таки. — Не обувь. Земля в комнате, у койки.

Арина подумала.

— Можно, — сказала она. — Только не я.

— Почему?

— Потому что если я приду в комнату и начну смотреть под койками, это уже не график. — Она отложила карандаш.
— Это обыск. У нас тут не колония.

— Пока нет, — сказала Аня.

Арина посмотрела на неё и ничего не ответила.

К десяти в столовой опять были почти все. Гушин пришёл с ведром, поставил его у раздатки и подошёл к листу.

— Арина, — сказал он. — Ты чего Свиридова в обход поставила?

— Потому что он не спит.

— Вот именно.

В зале стало тише.

— Ты понимаешь, что ты сделала? — Гушин постучал пальцем по клетке. — Ты дала человеку, который ночью ходит, разрешение ночью ходить.

— Я дала ему дело, — сказала Арина. — Он и так ходит. Теперь он ходит и смотрит.

— Или смотрит, чтобы никто не увидел, что он делает.

— Максим.

— Что «Максим»? — Он обернулся к залу. — Мы же все это понимаем. Просто сказать вслух никто не хочет.

— Я хочу, — сказала Наташа.

— Вот, — сказал Гушин. — Наташа хочет.

— Я хочу сказать, что ты много говоришь, — сказала Наташа. — Свиридов вчера сахар Вере отдал. Ты видел? Он выиграл и отдал.

— И что?

— И то.

Гущин посмотрел на неё, потом на Арину, потом опять на Наташу.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда я тоже в обход.

— Ты в стирке, — сказала Арина.

— Арина.

— Ты в стирке, — повторила она, и в голосе у неё не было ни капли сомнения.

Гущин постоял, потом поднял ведро и пошёл к двери. У порога он обернулся.

— Знаешь, что самое смешное? — сказал он. — Ты думаешь, что график — это порядок. А график — это расписание, кто где будет, когда что случится. Ты его на стену повесила. Для всех.

Дверь за ним закрылась. Арина смотрела на лист.

— Он прав, — сказала Вера тихо.

— Я знаю, что он прав, — сказала Арина. — Но если я не напишу график, будет хуже.

Она взяла карандаш и вписала в клетку обхода ещё две фамилии: себя и Аню.

Ветрова подошла к ней у раздатки, когда все расходились. В руках у неё была тряпка, и она вытирала стол, за которым

никто не сидел.

— Ты видела след? — спросила она.

— Видела.

— Какой?

— Сорок четыре, сорок пять, — сказала Аня. — Смазанный.

Ветрова выжала тряпку над ведром, аккуратно, чтобы не на пол.

— У Свиридова сорок пятый, — сказала она. — У Гушина сорок шестой. У Осипова тридцать шестой, но у него ортопедические, там рисунок другой. У Ситникова сорок три.

Аня смотрела на неё.

— Откуда ты знаешь?

— Я выдаю вещи, — сказала Ветрова. — Кому что по размеру. — Она повесила тряпку на край ведра. — Только это ничего не значит. Сорок пятый есть ещё у двоих.

Она сказала это ровно, как говорят о погоде, и пошла к двери.

Аня стояла с блокнотом в руке и не записывала.

За окном опять шёл дождь, мелкий, и по стеклу ползли капли.

В трубе над коридором шуршала вода.

Глава 5

Телевизор включился в восемь сорок, когда в столовой ещё ели.

По экрану пошла полоса, и все положили ложки. Голос сказал:

— Двадцать девятое сентября. Одиннадцатый день смены.

Он помолчал, и в зале стало слышно, как в трубе шуршит вода.

— Дел нет, — сказал голос. — Ни одного.

— Мы не обязаны, — сказала Арина.

— Не обязаны. — Полоса дёрнулась. — Тогда я объясню, как это работает.

Она закрыла папку и села.

— С завтрашнего дня я отключаю воду, — сказал голос. — В шесть утра. Горячую и холодную.

В зале кто-то перестал жевать.

— Через сутки отключу свет. Совсем, не по часам. — Пауза. — Ещё через сутки не останется еды. Я не буду ничего забирать. Просто не привезут.

— Это шутка, — сказал Гущин.

— Это расписание, — сказал голос.

— Вы не можете, — сказала Вера. — Тут же люди.

— Здесь шестнадцать человек. — Голос сказал это мяг-

ко, как говорят с ребёнком, который не понял условия. — Одиннадцать дней вы едите, пьёте и спите. Дела нет. Значит, смена стоит. А стоящая смена мне не нужна.

Аня посмотрела на Ксю. Та уже считала, глядя в стол, и губы у неё шевелились.

— Сколько? — спросила Аня шёпотом.

— В баке два куба, — сказала Ксю так же тихо. — Если не мыться — недели на две. Если мыться — на четыре дня.

— Так отключите, — сказал Гушин. — В баке есть.

— В баке есть, — согласился голос. — Бак я тоже считаю. Он один, и налить в него нечего.

Осипов поднял руку, как в школе.

— В правилах этого нет.

— Чего нет?

— Отключения воды. — Он держал перед собой лист, и на листе были выписаны пункты. — В правилах сказано: жить, питаться, дежурить. Сказано: отчисление публичное. Про воду ничего не сказано.

— Правила про то, что будет после, — сказал голос. — Я говорю про то, что будет до.

— Это то же самое.

— Нет. — Полоса пошла медленнее. — После — это суд. До — это я.

Арина встала.

— Что вы хотите?

— Дело, — сказал голос. — Одно. Любое.

— Убийство?

— Я этого не говорил. — Пауза. — Я сказал: дело. Как вы его сделаете, я не уточнял.

— Мы не будем убивать, — сказала Арина.

— Хорошо, — сказал голос. — Тогда вода до утра.

Телевизор выключился.

В зале никто не двинулся. Было слышно, как за стеной в трубе идёт вода, ровно, как дождь.

— Он блефует, — сказал Гущин.

— Он не блефует, — сказала Ксю.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что он назвал время. — Ксю встала и взяла свою тетрадь. — Кто блефует, тот не называет время.

Она пошла к двери, и Аня за ней.

— Ты куда?

— Считать.

В столовой за спиной поднялся шум. Наташа сказала что-то резкое, Вера ответила, Гущин засмеялся не в голос, и Соболев стал говорить, что надо посчитать, сколько воды на человека в сутки, и его никто не слушал.

Ксю шла быстро, и в душевой было холодно.

— Два куба, — сказала она, открывая кран. Вода пошла тонкой струёй. — Это две тысячи литров. Шестнадцать человек. По три литра в день — это сорок два дня. Но суп, но посуда, но стирка. — Она закрыла кран. — Реально — неделя.

— А если по одному литру?

— Тогда две. — Ксю посмотрела на неё. — Пить можно.

Мыться нельзя. Туалет — не смыть.

Аня стояла и смотрела, как в слив уходит последняя вода из крана.

— И свет, — сказала она.

— Свет — это насос. — Ксю вытерла руки о штаны. — Без света не будет воды даже в баке. Бак наверху, он сам не потечёт.

— А еда?

— Еда у меня. — Ксю помолчала. — Крупы на три недели, если по-хорошему. По-плохому — на две.

Она пошла обратно, и в коридоре у щитка остановилась. Дверца была приоткрыта, и в проёме горел красный огонёк.

— Ксю.

— Что?

— А если мы правда никого не убьём?

Ксю посмотрела на щиток, потом на неё.

— Тогда мы просто будем ждать, кто первый. — Она закрыла дверцу. — И это будет не тот, кого ты думаешь.

В коридоре у лестницы загорелась лампа, и от прутьев решётки на цемент легла тень.

Аня не пошла за Ксю. Она поднялась по коридору и встала под репродуктором, который висел над дверью в столовую.

— Это вы отключаете воду?

Репродуктор щёлкнул.

— Я.

— А если мы найдём того, кто её взял?

— Тогда будет дело.

— И вода вернётся?

Пауза была длинная, и в ней было слышно, как в столовой кто-то двигает стулья.

— Вода вернётся, когда пойдёт смена, — сказал голос.

— Это одно и то же.

— Для вас — да. — В решётке щёлкнуло. — Для меня — нет.

Аня постояла ещё, глядя на пыль в решётке, и пошла обратно.

К обеду в коридоре стояла очередь с тазами.

Ксю сидела на табурете у бака с ковшом в руке и тетрадью на коленях.

— По два, — говорила она. — В таз и в лицо. Кто хочет голову — плюс один, говорите сразу.

— А если я длинноволосая? — спросила Кристина.

— Тогда три и без добавки. — Ксю сделала отметку. — Всё, следующий.

Арина ходила вдоль очереди с листом и вписывала фамилии.

— Мыться по графику, — сказала она. — Комната шесть — с восьми до половины девятого, комната четыре — с половины до девяти. Кто не успел, тот до утра.

— А утром уже нет, — сказала Наташа.

— Значит, успевайте.

— Арина, — сказала Аня. — А зачем график, если вода до утра?

Арина посмотрела на неё.

— Затем, что без графика они передерутся.

— Из-за воды?

— Из-за всего. — Арина подчеркнула строку. — Сейчас из-за воды.

Гущин подтащил сразу четыре таза, поставил их в ряд и сел рядом на корточки.

— Мне как одному, или как четверым?

— Как одному, — сказала Ксю. — И тазы убери, они место занимают.

— Я на них сию.

— Вот и сиди.

Женя стояла у щитка и светила в него фонариком. Рядом, привалившись к стене плечом, стояла Зоя.

— Тут реле, — сказала Женя. — Видишь, вот эта коробка, с колёсиком.

— Вижу.

— Это не автомат. Автомат щёлкает, когда ток пропадает. А это ставят руками. — Она посветила на колёсико. — И оно сейчас стоит на шести утра.

Зоя посмотрела на неё.

— То есть кто-то придёт и выключит.

— Не придёт. Оно само. — Женя выпрямилась. — Просто

кто-то поставил его заранее.

— Как репродуктор, — сказала Аня.

— Как репродуктор, — согласилась Женя.

Ксю обернулась от бака.

— Женя. Ты это сейчас трогать будешь?

— Нет.

— Точно нет?

— Там пломба, — сказала Женя. — Я не полезу.

— Вот и не лезь.

К четырём часам Ксю позвала Аню к баку.

— Смотри. — Она держала в руке палку с зарубками, и на палке была видна каждая сотня литров. — Вот тут было. Вот тут стало.

Аня посмотрела на зарубки, потом в бак.

— Много ушло?

— Сорок литров. — Ксю опустила палку. — По моему счёту, должно было уйти тридцать восемь. Два я отдала на кухню, я записала.

— Может, ошиблась?

— Я не ошибаюсь. — Ксю сказала это без злости, как факт. — Я с десяти лет считаю. Я в прошлом году в сельпо недостачу в четыреста рублей нашла, у тётки, которая там двадцать лет работает.

— И что?

— И ничего. Она сказала, что я считать не умею. — Ксю вытерла палку о штаны. — Потом оказалось, что умею.

Аня посмотрела на воду. Поверхность была ровная и тёмная, и в ней отражалась лампа.

— Кто-то набрал лишнего, — сказала она.

— Кто-то набрал лишнего, — согласилась Ксю. — И я даже знаю, кто первый подумал.

— Гущин?

— Гущин не думает. — Ксю повесила палку на крюк. — Гущин делает. Он бы пришёл и попросил.

В столовой к вечеру было шумно, и шум был не такой, как всегда. Все сидели за одним столом, но так, будто каждый пришёл со своим.

— Ну и что, — сказал Гущин. — Воды на неделю. Свет отключат, вода встанет. Еды на две.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.